

ДЕВА. ДРАКОН И ДРУГИЕ ДИКОВИНКИ.

**ВИКТОРИЯ
КОШ**

12+

Виктория Сергеевна Кош Дева, Дракон и другие диковинки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62974442

SelfPub; 2020

Аннотация

Здесь девы вступают в сговор с драконами, а колдуны работают в поте лица, чтобы прокормиться. Здесь пиво выступает в цирке, а у деревьев есть моральные принципы. Здесь возможно все. И даже больше.

Содержание

1. «Бизнес»	4
2. «Реформа»	13
3. «Росток зла»	21
4. «Лошадку застраховать не желаете?»	40
5. «Фишка»	57
6. «Конкуренты»	73
7. «Талисман»	93
8. «Кое-что о любви»	104
9. «Пролог»	138

1. «Бизнес»

Башня была громадной, из гладкого темно-серого камня, с единственным окошком под самой крышей. Угрюмые горы окружали ее; ни травиночки, ни деревца не росло в тех горах. Ровная площадка у подножья была засыпана золой, то там, то сям валялись обломки щитов и ржавые острия копий. Костей не было, что вселяло в сердце случайного путника еще большую тревогу: *даже костей не было*. Стены башни кое-где оплавилась и почернели; в редких солнечных лучах она казалась изъеденной язвами.

Сразу было видно, что место злое, гиблое.

В окошке сидела дева такой потрясающей красоты, что при одном взгляде на нее умолкали отъявленные болтуны и рыдали записные злодеи. Густые ее волосы отливали жемчугом, а лазоревые глаза смотрели строго и печально. Дева вышивала, склонив над пальцами прелестную головку, и не заметила, как на тропе меж скал, что вели к башне, показался принц.

Принц был необычный. Ни тебе лат, шлема, кольчуги какой завалящей. На ногах башмаки из телячьей кожи, подвязанные лентами, светлые чулки тронуты дорожной пылью. Камзол белоснежный, золотом расшитый, на голове шляпа с пышным пером, в ножнах шпага висит, на эфесе бант в цвет пера прицеплен.

В таком виде жениться, а не на драконов охотиться.

Ехал принц не спеша, коня не гнал. Головой по сторонам вертел, но без должной опаски. Увидев деву, оживился, привстал в стремях, хлыстом коня стегнул. Но конь и ухом не повел, словно был не рыцарским скакуном, а распоследней клячей с деревенского базара. Принц не переживал. Сложил ладони рупором, крикнул:

– Эй, красотка, дракон где?

Дева отложила рукоделие и смахнула что-то со щеки. Должно быть, слезинку.

Ступить на усыпанную золой площадку конь отказался. Всхрапывал, перебирал ногами, упирался. Пришлось принцу и дальше разговаривать с красавицей на расстоянии.

– Гдеее дракооон?

Дева развела руками.

– Глухая что ли, – ругнулся принц вполголоса. – Этого еще не хватало. Не хочу тут целый день торчать.

– Не придется, – отозвалась ближайшая скала приятным голосом.

Принц вздрогнул, коня повело в сторону. Дракон был рядом. Большой серо-коричневый валун у передних копыт коня оказался его головой, а гора, вроде бы ничем не отличающаяся от других, – телом.

– Д-добрый день, – сказал принц, приподняв шляпу.

– Здравствуйте, – вежливо ответил дракон. – Вы меня искали?

Он поднялся и, аккуратно переставляя мощные когтистые лапы, вышел на площадку. Чей-то погнутой щит хрупнул под его весом. Принц нервно облизал губы.

Дракон был невелик, всего-то в два принцевых роста, если на коне, но грозен и ловок. Двигался он с удивительным проворством. Не успел принц и рот раскрыть, как дракон занял подле башни оборонительную позицию: растопырил крылья, поднял голову, хвостом взметнул золу в воздух. Дева в окошке прикрыла личико нежными ручками.

Принц смутился. Положение усложнялось.

– Боюсь, вы неправильно меня поняли.

Дракон склонил голову набок.

– Почему неправильно? Вы явились спасти прекрасную деву.

Из окошка донесся горестный вздох.

– Что вы, – рассмеялся принц, чувствуя, что обретает контроль над ситуацией. – Разве я для драки одет?

Дракон призадумался. Принц неторопливо спешился и отвесил дракону поклон по всем дворцовым правилам. Въедливый папенька был бы доволен.

– О, благородный дракон... простите, не знаю вашего имени...

– Цельфий. – Дракон обвил хвостом лапы словно домашний кот и приготовился слушать.

– О, благородный Цельфий, я, принц Астурглас из Трех Королевств, разыскивал вас вовсе не для того, чтобы неле-

пым криком вызвать на поединок ради незнакомой, хоть и прекрасной дамы.

– Но все принцы так делают, – озадаченно пробормотал дракон.

– И очень глупо, – усмехнулся принц. – Ведь исход поединка известен заранее.

– Но-но. – Дракон напрягся. – У нас все честно, никаких подтасовок. Каждый раз жизнью рискую.

Принц поклонился снова, запачкав перо в золе.

– Не хотел вас обидеть. Я имел в виду, что слабому человеку не сравниться с вами в мощи.

– А, тогда понятно, – согласился дракон. – Это да.

– Поэтому я пустился в дальний путь исключительно ради того, чтобы познакомиться с вами и... – Принц замолчал, подыскивая подходящее слово.

– Уговорить меня отдать вам деву, – подсказал дракон. – Был здесь уже один такой. Оратором назвался. Где-то шлем его валяется.

Принц поморщился.

– Далась вам эта дева. Мне вот она не нужна.

Сверху послышался всхлип. Принц поднял глаза на окошко и поманил дракона.

– Я к вам с деловым предложением. Давайте отойдем немного, поговорим без свидетелей.

Заинтригованный дракон послушно затопал по тропинке за принцем.

– У меня к вам серьезное предложение, Цельфий. Сколько можно сидеть в горах, сторожа плаксивую девицу? С вашими то возможностями...

– Работа такая, – вздохнул дракон.

– Как насчет того, чтобы терроризировать целые королевства? Разорять города? Разрушать дворцы? Держать народы в страхе? Сбирать богатую дань?

– Звучит заманчиво, – признал дракон.

– Значит, мое предложение вам понравится. Давайте объединимся и станем живым кошмаром Трех Королевств. За мной выбор целей и планирование операций, за вами – стремительный натиск и грубая сила. Знаете, какие сокровища накопим? Через год будем богаче, чем подгорные гоблины.

Дракон молчал, и принц насторожился.

– Только учтите, многоуважаемый Цельфий, без меня у вас ничего не выйдет. Стандартным драконьим террором много не заработаешь, а я могу проложить вам путь к настоящему богатству. Все Три Королевства будут на нас работать...

Принц устремил мечтательный взор в сизые небеса.

– Разве король Трех Королевств не ваш батюшка? – спросил дракон.

– Мой. И знал бы ты, друг Цельфий, какой мизер он выделяет мне на карманные расходы... – В порыве чувств принц потрепал дракона по жесткой лапе.

– Но ведь кровь родная...

– Причем тут кровь? – удивился принц. – Это же бизнес. Ну что, договор...

Закончить принц не успел. Дракон дохнул пламенем, и кучка золы посыпалась на траву. Ни шпаги от принца не осталось, ни бантика.

– Бизнесмен, – бросил дракон с презрением и пошел обратно, на сторожевой пост.

Поздно вечером в темную пещеру дракона заглянула прекрасная дева. В руках у нее была гроздь увядшего винограда и сума, набитая свитками.

– Цельфи, – позвала она, – ты спишь?

Дракон буркнул что-то из дальнего угла, дыхнул и зажег в центре пещеры приветливый костерок. В пещере было уютно – сухо и чисто. Над костерком был заботливо прилажен вертел, рядом лежала освежеванная тушка небольшого животного. Несколько гладких плоских камней служили столом и стульями, и дева немедленно положила на один свою ношу и села на другой.

– Вот, прислали со свитком, – сказала она, показывая на виноград. – Будешь?

Дракон одобрительно хрюкнул, вытянул шею и взял острыми зубами гроздь.

– Кушай, кушай. – Дева похлопала его по чешуйчатой морде. – Сегодня был тяжелый день.

Она принялась выкладывать свитки из сумы, дракон вер-

нулся к тушке и, подхватив ее хвостом, стал привычно и скоро насаживать на вертел.

– Что он хотел то от тебя, этот живчик с бантами?

– Предлагал вместе грабить Три Королевства. Даже папашу короля не пожалел.

– Мерзость какая, – поежилась дева, выуживая из сумы очередной свиток.

– Точно, – кивнул дракон. Он ухватился кончиком хвоста за вертел и стал медленно крутить его.

– Сам бы пожарил быстрее, – рассеянно заметила дева, читая свиток. – Есть хочется.

– Так равномернее и вкуснее, – не согласился дракон. – Я разбираюсь...

– Слушай, Астурглас, принц Трех Королевств, был сегодня? – перебила его дева, не отрывая глаз от свитка.

– А я о ком толкую, – обиделся дракон. – Опять не слушаешь.

– Я делом занята. – Дева надорвала свиток и отложила его в сторонку. – Отлично, этот заказ выполнен. Осталось что-нибудь для подтверждения, чтобы королю передать?

– Конь, – сказал дракон. – В горы убежал. Может, домой вернется.

Дева нахмурилась.

– А, может, и не вернется. Неужели ни одного бантика не осталось?

– Какое там. – Дракон потыкал жаркое когтем. – Слишком

близко стоял.

– Прискорбно. Король может заартачиться и не заплатить.

– Я ему не заплачу! – вскинулся дракон. – Мы его от такого мерзавца избавили, а он...

– Ладно-ладно, не горячись. – Дева пересчитала свитки. –

Итого, три заказа на мой портрет за сегодня. Неплохо. Ген-турийский князь жаждет подсунуть его племяннику, правитель Сигмеона – сыновьям от нелюбимой жены, а наследник сентихветской короны планирует отправить к нам вдовею-щего отца. Устал ждать престола. И откуда только они все о нас узнают.

– Слухами земля полнится, – заметил дракон. – Мясо го-тово, кстати.

После плотного ужина дракон и дева принялись за работу. Дракон взял хвостом кисть, дева расстелила на полу пеще-ры первый холст и села поближе к костру в привычную по-зу несчастной пленницы. Дракон рисовал быстро, лишь из-редка бросая взгляд на модель. Чувствовалось, что дело для него привычное, и дева на холсте выходила ничуть не хуже живой.

Вскоре три портрета были закончены. Дева скатала их в тугие трубки, обвязала ленточками.

– Завтра курьера из деревни вызову. Вроде шорник на яр-марку к гентурийцам собирается.

– Глупости какие, на курьера тратиться, – проворчал дра-

кон. – Сам слетаю.

Он подхватил лапой портреты.

– Заодно в Три Королевства загляну за платой. Сколько с короля причитается?

– Пять мешков золота.

– За такого гада можно было бы и десять попросить.

– Договаривались на пять, – с укоризной произнесла дева. – Слово надо держать. Бизнес есть бизнес.

– Знаю, – ворчливо отозвался дракон и вылетел из пещеры.

Дева долго стояла у входа, махая ему вслед вышитым платочком.

2. «Реформа»

По ухабистой пыльной дороге тащилась телега, крытая грубой рогожей. На телеге развалился юркий паренек с соломой в спутанных волосах. В одной руке он держал кнут, которым время от времени угощал пегую лошаденку, в другой – ржаную ковригу, которой угощался сам. Больше на дороге не было ни души.

Дело шло к вечеру. Солнце уже зацепилось нижним краем за сентихветские горы, а стебли лугавки, что в изобилии росли по краям дороги, налились предзакатной чернотой.

Когда в небе над трехгорным пиком появилась точка, паренек как раз куснул ковригу и занес кнут над лошадью. Да так и замер с открытым ртом и поднятой рукой. Точка быстро приближалась. У нее была чешуя грязно-серого цвета с коричневыми вкраплениями, широкие перепончатые крылья, длинный хвост и треугольная морда с клыками наружу. Точка оказалась драконом.

– Вот ведь зараза, – вздохнул парень и, запустив руку под рогожу, спрятал ковригу. – Надо было ему именно сегодня. Свезло тебе, Дзуруб, так свезло...

Дракон сел мягко, лишь пыль за клубилась вокруг телеги. Паренек бухнулся на землю и зачистил:

– Прости, благородный, но ничего у меня нету, хоть и с ярмарки еду, ни единого золотого, только хлеба немного и

крынка молока, и больше ничего...

Дракон подался назад. Паренек поднял голову, глянул в настороженные черные драконьи глаза, пустил слезу.

– Чем хочешь поклянусь. Все, что наторговал за папашины горшки, королевские стражи отобрали, черти лесопятые.

– Это еще почему? – поинтересовался дракон.

Паренек почесал вихрастую голову.

– Если б знать. Вроде как у всех золото отбирают, но не для наживы, а потому что король велел. Для его наживы, значит. Будут рех... рех... – Парень запнулся, припоминая дикинское слово. – Рехформу проводить!

– Что творится, – вздохнул дракон. – Но я, собственно, только дорогу хотел уточнить. Мне до королевского замка здесь лететь или правее взять? Давно не был в ваших краях.

Паренек сразу повеселел, на ноги поднялся.

– Дорогу это можно. Прямо тут и летите. – Он махнул рукой на пыльный тракт. – Городские ворота вон за тем холмом, а замок у главной площади. Не промахнетесь.

– Спасибо, – кивнул дракон. – Удачного вам пути.

– Какая уж тут удача, когда... – начал паренек, но дракон не слушал. Он расправил изящно сложенные крылья, изогнул шею и почти бесшумно поднялся в воздух. Паренек от потрясения снова на землю шлепнулся.

До городских ворот дракон добрался быстро, но с визитом не торопился. Устроился у подножья холма так, чтобы его

нельзя было разглядеть с крепостной стены, и с нетерпением поглядывал на светило, которое прятало свои последние лучи за сентихветские горы.

Когда вечерний сумрак утвердился прочно, дракон полетел в город. Он пролетел над дремлющими стражниками в латах, над большой торговой площадью, удивился гигантскому уродливому сооружению, закутанному в мешковину, облизнулся на соблазнительный запах из харчевенных рядов и, без труда миновав стрельчатую ограду королевского замка, опустился на зеленый лужок перед королевской опочивальней. Никто в столице и не почуял, что за гость к ним пожаловал.

Дракон осторожно просунул морду между шелковыми балконными занавесками. Король в парчовом шлафроке и ночном колпаке с кисточкой стоял перед зеркалом в тусклой бронзовой оправе. Кровать на резных ножках под балдахинном была разобрана, полог приглашающе откинут. Дракон даже позавидовал королю немного. Его то ждала обратная дорога с тяжелой ношей, а не мягкая перина.

Король между тем выставил вперед ногу, подтянул живот, задрал подбородок и проговорил утробным голосом:

– Да здравствует великий король реформатор... Нет, не так. – Он подбоченился и взял ноту повыше. – Да здравствуе...

Но тут он разглядел в зеркале отражение любопытной

драконьей морды и пустил петуха.

Дракон смутился и на секунду спрятал рыло в воздушных занавесках.

– Простите, ваше величество...

– А, Цельфий, это ты. – Король с облегчением вздохнул. –

Пугаешь короля.

Он поплотнее запахнул полы шлафрока и подошел к балкону.

– Поздновато что-то ты. Король уже почивать собрался.

– Специально темноты дожидался, чтобы народ попусту не пугать, – немного обиделся дракон.

– А что народ? Подумаешь, народ. Ему полезно попугаться немного. Совсем распустились в последнее время.

Король потер переносицу, размышляя о своем, сокровенном. Дракон деликатно кашлянул. Король встрепенулся.

– Так зачем пожаловал в наши края?

– Дело сделано, – сказал дракон со значением.

– Да-да, – рассеянно кивнул король. – Намедни Могучий прискакал.

– Могучий? – не понял дракон.

– Конь. Дорогущий. Три меры золота гентурийцам за него отвесил. Хорошо, что вернулся.

Дракон склонил голову, отдавая дань отцовским чувствам.

Король вздыхал, дракон молчал. Пауза неприлично затягивалась.

– Ты, наверное, насчет гонорара узнать хочешь, – наконец сказал король.

– Не узнать, – возразил дракон. – Получить.

– С получением проблемы. Нету больше золота в Трех Королевствах. Нету.

Последнее «нету» король произнес с особым удовольствием, склонив голову набок и прищелкнув языком.

– Как это нету? – Из ноздрей дракона вырвался дымок.

Король поспешно отступил на пару шагов.

– Ты только не нервничай. Я сейчас все объясню. – На всякий случай король отошел еще дальше. – Реформа у нас в стране. Золото из оборота изымается и заменяется натуральным обменом.

Дракон плюхнулся задом на лужайку. Стены дворца ощутимо вздрогнули.

– Чего?

– Вот допустим, тебе нужна овца, а мне яблоки, – с удовольствием начал объяснять король. – У меня есть овца, а у тебя яблоки. Я даю тебе овцу, а ты мне...

– Понял я. – Дракон нетерпеливо махнул лапой и зацепил занавеску, которая с хрустом и треском рухнула к ногам короля вместе с карнизом. – Вы лучше насчет золота проясните, ваше величество.

– Ах, золото. – Взгляд короля затуманился. – Корень зла. Средоточие порока. Войны, ненависть, разбитые сердца, дети-сироты. Я вот сына единственного из-за золота лишил-

ся...

– Вы же его сами, – напомнил дракон.

– Сам. А почему? – Король воздел к лепному потолку указательный палец. – Потому что жаден был сверх меры наследничек. На карманные расходы ему, видите ли, мало давали. Заговор затевал против родного отца, на королевскую сокровищницу целился. Пришлось принять меры. Если б не золото проклятое, мальчик бы не испортился.

– По-моему, тут причина глубже, – заметил дракон. – Воспитание подрастающего поколения...

– Я точно знаю, – перебил король. – Золото во всем виновато. И потому золота в моем королевстве больше нет.

– Куда ж оно делось?

– По моему приказу собрано стражами. Сегодня последнюю монетку добыли.

– Слышал, – кивнул дракон.

– И отдано мастерам, которые из этого золота отливают сейчас на главной площади памятник сыну моему, принцу Астургласу, погибшему в лапах дракона. Жуткая история, друг Цельфий... Ах да, ты в курсе. Вот такие у нас дела.

– А как же мои пять мешков? – спросил дракон.

Король посмотрел на него с укоризной.

– Я тебе о чем битый час толкую? Нет золота. Ни грамульки. Теперь в Трех Королевствах жизнь спокойная, счастливая, пороком не замутненная. И все благодаря мне.

Король напыжился было, но под пристальным взглядом

дракона бодрость подрастерял.

– Только не ешь меня, Цельфий, – жалобно попросил он, – давай я чем-нибудь другим расплачусь. Хочешь стадо овец?

Дракон подумал немного, не сводя глаз с дрожащего короля, и попятился назад. Король, не скрывая облегчения, вышел следом на балкон.

– Овцы нам без надобности, – с достоинством сказал дракон, расправляя крылья. – И яблоки, между прочим, тоже.

До главной площади, где шла работа над памятником принцу, было раз крылом махнуть. Дракон затаился за ратушей, подождал, пока последний человек уйдет с площади, и сдернул мешковину с незаконченной статуи. Блеск золота разлился по площади. Памятник принцу был практически готов – не хватало лишь шпаги с бантом и шляпы. Дракон постучал когтем по литому плечу. Плечико отозвалось приятным гулом. Принц оказался не пустым, как при жизни, а из цельного золота, что не могло не радовать.

Дракон оценивающе пригляделся к Астургласу. Лишнего ему не нужно, но и свое он не оставит. Головы как раз должно хватить... Дракон открыл пасть и аккуратно, чтобы сильно не кромсать и не шуметь, откусил золотому принцу голову. Потом положил ее на землю, обхватил передними лапами и взлетел.

Неприятность обнаружилась утром, когда дракон по ука-

занятым дева выкатил голову на площадку перед пещерой. Лик принца по-прежнему отливал красотой благородного металла, но срез шеи был отвратительно черным. Дева потерла его лилейным пальчиком.

– Железо.

– Вот негодяи, – огорчился дракон. – Короля обманывают. А он ведь из добрых побуждений...

– Людская натура, – вздохнула дева. – Ладно, запишем в убыток.

– Зря только тащил. – Дракон в чувствах пихнул голову хвостом.

– Ничего. – Дева погладила его по морде. – Поставим в пещере. Какое-никакое, а украшение.

3. «Росток зла»

На границе Гентурии с Ахартом леса дикие, но такой, как Заповедный Лес, еще поискать придется. Не лес – трущобы непролазные, где ни зверю, ни птице, ни какому другому существу жизни нет. Сплетаются на земле корни бугристые, ветви угрюмо нависают, листва шепчет недоброе. Мрак, да и только. Ни одна дорога не вела в Заповедный Лес, никакой хозяйственной надобности никому в нем не было. Все же находились тропки, малозаметные, тайные, опасные, и о тех тропках шепоток шел даже за пределами Гентурии. В Заповедном Лесу жил колдун. Не из тех, что по ярмаркам-vesелят детишек, да выманивают у подгулявших ротозеев последний грош, а настоящий колдун, потомственный. Фигура значительная.

Ясным утром к одной потаенной тропке, ведущей напрямиком в сердце Заповедного Леса, подошла девушка. Самая обычная девушка, не красавица, хотя если б красавица, то куда как внушительнее получилось бы. Но девушка была обыкновенная. Нос курносый и чуть набок, глазки маленькие, не впечатляющие, да и одета просто – служанка чья или работница, и все тут. Тайную тропку нашла не без труда, помедлила немного перед тем, как шагнуть на нее, оглянулась с отчаянием – не покажется ли рыцарь-избавитель, не отговорит ли от глупости несусветной...

Не показался.

Скукожив носик, и без того кривоватый, ринулась девушка в самую чашу. Шла она не долго и не коротко, а ровно столько, сколько нужно. По дороге и взвизгивала, и вздрагивала, и охала, и ойкала – пугалась, как полагается. Будь она редкостной красавицей, можно было бы на этом подробнее остановиться, но, честное слово, сейчас не стоило. Ну взмахнула реденькими ресничками, ну шмыгнула носиком кривым, ну руками, не по-девичьи крупными, всплеснула. Посмотреть не на что. Так шла, шла и дошла до Сумрачной Поляны. Именно так, до *Сумрачной*, с заглавной, с придыханием, уважением и в страхе душевном.

На Сумрачной Поляне стоял дом колдуна. Не дом, а дерево, не дерево, а пень, не простой пень, а до того громадный, что сравнился в лесу с самыми высокими деревьями. То были могучие останки велгрийского дерева, чье имя одно было под запретом во всех Трех Королевствах. Думать о нем и то было страшно до жути, а уж чтобы в его корнях селиться, такое никому и в голову не приходило. Колдун Заповедного Леса взял и поселился, и тем окончательно отрезал себя от рода людского и, надо сказать, обеспечил беспрецедентный приток клиентуры.

У дерева несимпатичная девушка остановилась и даже похорошела, потому как большие глаза девушку всегда красят, и неважно, отчего они большими сделались, от радости или со страху. Но стояла она недолго. То ли вспомнила, что при-

вело ее к колдуну из самого Ахарта, то ли сила колдовская проявилась, но подошла девушка к гигантскому пню вплотную, да и пропала, словно растворилась в нем.

Внутри пня было темно и душно. Девушка чихнула, от неожиданности, должно быть, а, может, что-то в нос попало, и вдруг мелькнул рядом всполох зеленых искр, и огонь загорелся чудной, разноцветный. Стало видно, что места под корнями много, и потолок над головой полукруглый, словно кто-то взял гигантскую деревянную чашу, да и перевернул ее. Где здесь вход и, главное, отсюда выход, понять было невозможно. Повсюду, куда ни глянь, было переплетение корней, весьма зловещее на вид. Девушка пискнула неразборчиво.

– Только не надо кричать, – прошелестело что-то у ее уха. – Он этого не любит.

Девушка пошатнулась, за стенку схватилась, рот открыла – но не издала ни звука.

– Зачем пожаловала? – спросила стена громовым голосом, и перед девушкой (откуда только взялся) появился колдун Заповедного Леса.

Девушка бессильным кулем осела на землю.

Колдун Заповедного Леса был высок и очень худ. Как угли горели его глаза под черными бровями, а от длинного просторного одеяния его исходило слабое зеленоватое мерцание. Девушка завывала было, но вовремя опомнилась и за-

сунула кулак себе в рот.

– Зачем пришла? – прогремел колдун. – Или передумала уже?

От такого голоса немудрено было и передумать. Девушка носик сморщила, губки скривила, плакать собралась, отчего подурнела еще сильнее, но плакать не стала.

– Он меня не любит, – пробормотала. – Я хочу, чтобы он умер. Можно это устроить?

– Можно, – согласился колдун. – Но зачем так резко, а?

– Он говорит, я некрасивая, – насупилась девушка. – И он никогда меня не полюбит.

– Приворотное зелье пробовали? – осведомился колдун.

– Убить гада мало, – отрезала девушка. – Он над моим носом смеялся.

– Ну и что? – изумился колдун. – Зачем сразу убивать?

– Хочу отомстить. Пусть мучается!

– Есть и другие способы, – сказал колдун. – Зелье Моментальной Красоты, например. Или Корректирующая Нос Настойка на болотных травах, тоже хорошая вещь. Эффект стойкий, побочных явлений не наблюдается.

– И что? – поразилась девушка. – Я стану красивой?

– Такой красивой, что он влюбится, женится, всю жизнь будет носить на руках. Отличная месть, между прочим. Дольше промучается по сравнению с ядом.

Девушка призадумалась.

– Глаза мне тоже можно большие сделать? Чтобы формы

продолговатой, как миндаль?

– Хоть как фасоль, – пожал плечами колдун. – Идеальный результат на всю жизнь.

– Я не знала, что так можно. Если б знала, сразу бы попросила. У нас все в основном к вам за отравой ходят. Говорят, быстро, надежно, безопасно.

– Вчерашний день, – твердо сказал колдун, – ну что такое отравы? Рецептuru примитивная, веками известная, никакого творчества и полета фантазии. То ли дело бальзам для глаз в форме фасоли.

– Миндаля, – поправила девушка.

– Неважно. Вот где настоящая магия. Вызов для художника. Вот где простор и перспектива. Да знаете что? – оживился вдруг колдун. – Я вам за такой заказ скидку сделаю. В два раза меньше против обычной цены. В рекламных целях.

На том и порешили. Сговорились о переделках (всего вышло двадцать семь) и о сроках (девушка вытребовала не позднее, чем через неделю).

Выйдя на свет после мрачного колдовского жилища, она вздохнула с облегчением и потрусила обратно по тропинке, не подозревая, что сквозь зловещее переплетение корней зловещего велгрийского дерева следят за ней чьи-то зловещие глаза.

Оставшись в одиночестве, колдун вздохнул с не меньшим

облегчением. Он поубавил в огне зеленых искорок (всего то понадобилось прикрыть скрытую между корней трубочку), вытащил невесть откуда дряхлое кресло и уселся в него как самый обычный ахартский труженик после долгого рабочего дня в поле.

– Нитачох!!! – вдруг заорали за спиной, и колдун, вздрогнув всем телом, вскочил на ноги.

За креслом, едва доставая макушкой до спинки, стоял преуморительнейший старичок – кругленький, румяный, с ровными седыми кудряшками и упитанными щечками. Красный бархатный жилет с трудом сходился на его животе; брюки, свисающие мягкими складками, были заправлены в домашние туфли с пушистыми помпончиками.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворил?

Старичок наступал на колдуна, потрясая крошечными кулачками. Колдун съежился, отступил на шаг, значительно растеряв свою грозную величавость.

– Двадцать лет каторжной работы и все дракону под хвост из-за твоей дурьей башки!

– Но папа... – проямлил колдун, – хорошо же получилось. Я сделал все, как надо. Теперь слух пойдет по всем королевствам. От клиентов отбоя не будет.

– Болван! – завизжал старичок. – В том то все и дело! Что ты предложишь этим клиентам? Они все теперь захотят настойку для расширения глаз и примочки для уничтожения прыщей! Где мы их возьмем?

– Сделаем, – мрачно ответил колдун. – Сколько можно одну отраву варить? Пора что-нибудь поинтереснее сотворить.

– Поинтереснее? – Старичок затопал от гнева. – Как ты это варить собрался? Рецепты давно утеряны, ингредиентов днем с огнем не сыщешь, хлопот с этими зельями не оберешься!

– Как-нибудь сварим, – буркнул колдун. – Тут главное начать. Мы же на месте топчемся, папа. Сколько можно людей просто травить...

– Вон ты как заговорил... – Старичок прижал ручки к груди. – Отраву ему не хороша стала. Триста лет она нашу семью кормит. И прадеда, и деда, и отца, и меня, да и тебя, олуха, в люди вывела. Человека то изничтожить проще некуда. Два заклинания, три снадобья, и гребни себе золото, запасай на безбедную старость. Народ валом валит, благодарят и еще приходят. Чего тебе надобно, горе ты мое?

– Разве это колдовство, два заклинания и три снадобья? – сумрачно отозвался колдун.

Он уселся на полу, поближе к огню, и искоса поглядывал на старичка.

– Я другого хочу. Истинной магии. Власти над предметами и душами. Хочу проникнуть в древние секреты и подчинить их себе. Вот раньше то, – тут голос колдуна дрогнул, стал нежно-мечтательным, – раньше все не так было. Не волшебники были – гиганты. Что творили. А мы сейчас...

Он горестно вздохнул. Старичок выпятил грудь и взбере-

пенился.

– Что мы сейчас? Живем как умеем, колдуем, как можем. Ты и так не умеешь. Я тебе что сказал сварить для госпожи Гортензии? Раствор бесцветный и бесвкусный, в три дня безболезненно умерщвляющий. А ты что сделал?

Колдун буркнул нечто неопределенное.

– Вот именно, – довольно кивнул старичок. – Не в три дня зелье подействовало, а в пять, несло чесноком, на вкус было как тухлое мясо, и супруг госпожи Гортензии не умертвился, а оплешивел только во всех местах. Пришлось доплачивать, чтобы его в подворотне зарубили, а то неудобно получалось.

– Я хотел восстановить в ней былое влечение к мужу, – мрачно проговорил колдун.

Старичок хихикнул.

– Вот и восстановил, горюшко мое, а все почему? Потому что ты к нашей колдовской деятельности совершенно неспособен. Моя бы воля, я бы давно тебя в Ахарт отправил, пшеницу сеять или горшки лепить. Но не могу. Куда я с такой наружностью? Вот и терплю тебя, бездаря.

Старичок вздохнул, и слезка скатилась по его румяной щеке.

– Так что не забывай, Нитачох, не колдун ты, а видимость одна. Личина устрашающая и в трепет приводящая, но ничего больше. Нечего тебе заноситься и в секреты древних магов лезть. Ты с нашими, фамильными тайнами совладать не можешь, куда тебе в настоящие волшебники...

Старичок залез в кресло, уютно закинул ногу на ногу.

– Хватит уже о глупостях. К вчерашнему заказу на рвотные булочки еще не приступали. Принеси ка мне...

– Я все равно стану настоящим магом, – буркнул колдун, поднимаясь.

– Еще ступку номер восемь и стекла зеленые, круглые...

– У меня отросток велгрийского дерева есть.

В пещере вдруг стало тихо. Даже огонь потрескивать перестал, словно тоже прислушивался.

– Что у тебя есть? – мирно переспросил старичок.

– Отросток велгрийского дерева. Я его сам нашел и пересадил.

– Ты что такое говоришь? – Старичок явственно заволновался, даже с кресла сполз. – Последнее велгрийское дерево сожгли торжественно сто пятьдесят лет назад, с тех пор ни листика, ни семечка не было нигде в мире, а ты говоришь, у тебя есть росток!

– Я его у пруда нашел, – сказал колдун. – Там вода стоячая, с пиявками, вот он и пророс.

– Совсем из ума выжил, – рассердился старичок. – Это же велгрийское дерево. Зло в чистом виде. Воплощение самых страшных человеческих кошмаров. С помощью велгрийского дерева можно творить самую жуткую магию, без ограничений. А ты говоришь, у пруда. С пиявками.

– Там питательных веществ много, вот он и пророс, – упорствовал колдун.

– У всех чародеев древности были велгрийские деревья, поэтому никто не мог с ними совладать, – продолжал волноваться старичок. – Но сила их зла была слишком велика, и было решено уничтожить все деревья. Без остатка и жалости! И ты после этого утверждаешь, что у тебя есть велгрийское дерево?

– Не дерево. Росток.

– Неважно! – взревел старичок, брызгая слюной. – Ты, колдун-неумеха, позор заслуженной трудовой династии, и вдруг нечаянно натолкнулся на велгрийское дерево?

– Росток, – упрямо повторил колдун. – Он еще совсем маленький.

Старичок забежал по пещере.

– Поверить не могу, что ты... олух... бездарь... недоумок, который только для вывески и годится... именно ты нашел росток велгрийского дерева! Это же смехота!

– Нет такого слова, – обиженно сказал колдун. – А росток есть.

– Велгрийское дерево? Дарующее беспредельное могущество? Владеющее сокровеннейшими секретами магии? – Старичок хихикнул и вдруг побелел и стал одного цвета со своими кудряшками. – Где оно? Дай мне его! С ним я стану величайшим чародеем королевств. Мое имя заставит трепетать каждого! Я...я... я королем стану, если захочу. Отдай мне его, сынок!

Он рухнул на колени и пополз к колдуну.

– Теперь я уже не бездарь? – сварливо спросил тот.

– Бездарь, – не согласился старичок, но на коленях остался. – Зачем тебе велгрийское дерево? Ты и спрятать его толком не сможешь. Тебя четвергуют, если узнают про него.

– До сих пор хорошо прятал, – надулся колдун.

– Рано или поздно ты все равно ошибешься, – настаивал старичок. – Сам подумай, какой из тебя великий маг. С велгрийским деревом или без него ты даже примитивный эликсир забвения не сваришь. А я смогу сеять хаос и насаждать террор. Я стану настоящим бичом Трех Королевств! Ты не сможешь!

– Я и не собираюсь, – возмутился колдун. – Я хочу творить магию, а не хаос сеять. Настоящую магию. Я уже пробовал делать порошок из листьев, знаешь, неплохо получилось. Вот эти искорки зеленые как раз...

– Что? – взвыл старичок. – Ты разбазариваешь листья велгрийского дерева на искорки?

– Я экспериментирую, – с достоинством сказал колдун. – Листья все время новые растут.

– Отдай мне его, сынок. – Старичок подполз совсем близко и ухватился за полу длинного одеяния колдуна. – Я всегда о тебе заботился. И дальше буду заботиться. Ты со мной останешься, конечно. Внешность я себе сделаю пострашнее, но тебе тоже работенка найдется. Будешь... Будешь моим глашатаем. Или герольдом, чтобы это ни значило. Хочешь?

– Я хочу быть колдуном.

– И будешь, – закивал старичок. – Дерево беспредельное
я тебе, конечно, не дам, но дедушкину книгу получишь. Все
тебе отдам. Будешь пробовать старинные рецепты. Сколько
хочешь.

– Ладно, – неохотно вздохнул колдун. – Наверное, ты
прав. Ты больше достоин им владеть.

Он полез за пазуху. Старичок замер.

– Только обращай с ним бережно, хорошо? Он этого за-
служивает.

Из-за пазухи колдун вытащил маленький бумажный ме-
шочек и передал его старичку, который дрожащими руками
извлек из пакета глиняный горшочек, а в нем... да, никаких
сомнений, тот самый, никем сто пятьдесят лет невиданный,
с зелеными листочками и коричневыми веточками, росток
величайшего зла на земле.

– Сокровище ты мое, – прослезился старичок. – Деточка.

– Здравствуйте, – вежливо отозвался росток. – Я благо-
дарен за добрые слова. Надеюсь, вы не обидитесь, но я бы
предпочел, чтобы вы звали меня Чакчей.

Побагровевший старичок осел на пол.

– Он разговаривает!

– Разговаривает, – подтвердил колдун. – Почему бы ему
и не поговорить?

– Я никогда не слышал, чтобы велгрийское дерево... – на-
чал старичок. – Впрочем, неважно. Говорит это хорошо. здо-
рово даже, что говорит.

Он потер руки и захихикал довольно противно.

– Извините, – сказал росток, – но я здесь присутствую, а вы так обо мне говорите...

– Чем он, собственно, говорит? – заинтересовался старичок, наклоняясь к ростку.

– Простите, но мне неприятно такое слышать, – смущенно прошелестело в листиках.

– Извинись перед Чакчей, – посоветовал колдун. – Он не любит, когда о нем говорят как о неодушевленном предмете.

– Хорошо, хорошо, мальчики, как скажете, – засмеялся старичок. – Ты у нас обидчивый, да, кустик?

– Я росток велгрийского дерева, – поправил росток. – Не куста.

– Зануда, – хохотнул старичок. – Но ничего, я потерплю. Мы с тобой таких дел натворим, росточек мой. Мы с тобой весь мир заставим дрожать от ужаса. Мы с тобой... Нитачох. Неси дедушкину книгу. Будем работать.

В мгновение ока старичок преобразился. Лицо сосредоточенное, жесты скупые, приказания краткие. Через минуту он уже листал книгу из замусоленных листов пергамента, а колдун, пытая от напряжения, тащил на середину пещеры громадный, местами тронутый ржавчиной котел. Чакча по-малкивал и только листиками шелестел, создавая приятное, хоть и ложное ощущение свежего летнего ветерка.

– С чего бы начать? – бормотал старичок под нос, шурша пергаментом. – Поразить чумой близлежащие деревни или

наслать великую водную напасть на Ахарт? Может, низвергнуть с небес огонь на Заповедный лес? Надоел мне, ну его к драконам. Браконьеры только шлятся...

– Если позволите заметить... – деликатно начал Чакча.

– Не позволю! – рявкнул старичок. – Ты меня с мысли сбиваешь.

– Он все равно скажет, – буркнул колдун, разжигая под котлом огонь.

– Может, сразу явиться к королевскому двору и поджарить там всех заживо? – задумчиво пробормотал старичок. – Тут есть одно прелестное заклинание. Эффектно, эффективно и несложно. То, что нужно для начала.

– Исключено, – сказал Чакча, и на этот раз листики его шелестели совсем не приятно. – Пострадают люди. Это не этично.

– Не что? – фыркнул старичок.

– Пожалейте людей. Начать можно с чегонибудь не кровавого. Как вам эссенция всеобщей радости?

– Не глупи, – строго оборвал его старичок. – Радости в мире и так хватает. Чего в мире не хватает, так это взрывов, землетрясений, потоков и всеобщего рабства.

– Но...

– Не спорь со старшими! – перебил старичок. – Я лучше знаю. Твое дело листья давать и злость копить. Внешней политикой буду заниматься я.

– Я только хотел внести пожелание...

– Нитачох! – завопил старичок. – Утихомирь свое растение. Оно мешает мне думать.

С печалью в глазах колдун подобрал валявшийся на полу пакет и натянул его на Чакчу.

– Так то лучше, – одобрительно заметил старичок. – Распустил ты его. Но ничего, я его быстро в порядок приведу. Такое велгрийское дерево из него воспитаю, им детей пугать будут! Что же все-таки выбрать? Начну я, пожалуй, с себя. Как тебе кажется, что лучше для начала? Клыки как у дракона или рост выше деревьев?

Старичок задумчиво поскреб в затылке и перевернул страницу.

– То, что нужно! – обрадовался он. – Зелье драконьего кошмара. И клыки, и рост, и огонь изо рта при необходимости. Неси двести кусков жабьей печени, сынок.

Когда печенка была мокрой неопрятной кучей свалена в углу, а под котлом жизнерадостно потрескивало пламя, старичок протянул властную руку к пакету с Чакчей.

– Листок!

Из пакета вылетел маленький бледно-зеленый листик.

– Нитачох, измельчи и брось в котел, – скомандовал старичок.

– Если вы все-таки позволите мне высказаться, – раздавалось из пакета, – я бы посоветовал вам добавить листик в последнюю очередь, и не измельченный, а разорванный на

четыре части.

– В рецепте сказано измельчить и бросить в самом начале, – с сомнением проговорил старичок.

– Я вам велгрийское дерево или не велгрийское? – капризно спросили из пакета. – Не хотите, не слушайте. Но мой вариант делает клыки в два раза длиннее, а у пламени появляется нежный фиолетовой оттенок.

– Фиолетовый? – переспросил старичок мечтательно. – Я люблю фиолетовый.

Из пакета кашлянули деликатно и довольно.

Разорванный на четыре части лист полетел в котел последним.

Через час зелье было готово. Попахивало оно сомнительно, да и выглядело не очень, но старичок принес фамильный половник (золотой и с штампом академии магов), торжественно опустил его в котел и зачерпнул немного тягучей зловонной жидкости. Грязно-серая капля повисла на краю и с отчетливым неприятным плюмс шлепнулась обратно.

– Для нашей семьи начинается новая эра! – воскликнул старичок с чувством. – За это и выпьем.

– Может, не надо, пап? – засомневался колдун, но старичок, не сводя глаз с содержимого фамильного половника, поднес его к губам и залпом выпил.

С минуту ничего не происходило. Старичок уже начал грозно сводить брови, и колдун благоразумно сделал шаг на-

зад, но тут вдруг что-то булькнуло, рыкнуло, глухо ухнуло, старичок схватился за рот, потом за живот, потом триумфально улыбнулся, потом воскликнул:

– Они растут! Я чувствую, они...

А потом рассыпался кучкой пепла.

– Папа! – позвал колдун. – Ты меня слышишь?

Пепел не ответил. Колдун подошел ближе.

– Папа, – прошептал колдун. – Ты где?

– Если ты думаешь, что он восстанет из пепла вроде легендарной птицы, то ты ошибаешься, – раздалось ехидное из пакета.

– Это ты сделал? – растерянно спросил колдун.

– Разве у меня был другой выход?

Пакет дрогнул, полез вверх, упал на пол. Освободившийся Чакча встряхнул листиками.

– Ненавижу пакеты. Обещай, что больше никогда не будешь сажать меня в пакет.

– Я не буду, – вздохнул колдун. – Но вот папа...

Чакча кашлянул.

– Твой папа, к счастью, больше никогда не сможет никого посадить в пакет. А также отравить, испепелить, утопить или уничтожить одним из тысячи способов, описанных в вашей замечательной дедушкиной книге.

Колдун перевел задумчивый взгляд на кучку пепла.

– Ты в этом уверен?

– На сто процентов. Я же велгрийское дерево. Я знаю о

магии все.

Пепел решили оставить на месте.

– Будет как будто гробница, – одобрил Чакча, когда колдун вынес его на Сумрачную поляну. Мертвый пенъ великого дерева смотрелся в предзакатных лучах мощно и устрашающе. Колдун впервые попытался представить себе, как выглядело это дерево в дни своего цветения, и с уважением посмотрел на небольшой росток в глиняном горшочке, который держал в руках.

– Что теперь будем делать?

Чакча сладко потянулся всеми листиками.

– Жить и Колдовать. Разве ты не этого всегда хотел? Со мной ты станешь величайшим колдуном нашего мира. Если, конечно, будешь соблюдать мои условия.

– Что еще условия? – насторожился колдун.

Чакча потер листик о листик.

– Понимаешь, у меня есть определенные жизненные принципы, и ты должен их уважать. После долгого и вдумчивого анализа я пришел к выводу, что в этом мире слишком много зла. Я вижу свой долг в том, чтобы воздерживаться от злых мыслей, намерений и действий и по возможности творить добро.

– Ты только что убил моего папу! – воскликнул колдун с негодованием.

– И сделал доброе дело, – радостно согласился Чакча. –

Разве нет? Тебе хорошо, мне хорошо, людям хорошо.

– Папе плохо, – напомнил колдун.

– Ему сейчас лучше всех, – отрезал Чакча. – Ни забот, ни хлопот, а нам с тобой, между прочим, еще где-то надо заночевать. Может, пойдём уже, а?

Колдун покорно вздохнул, привычным жестом сунул Чакчу за пазуху и пошел по тропинке прочь от отчего дома. Начиналась новая жизнь, и жалел он лишь о том, что не сообразил поестъ поплотнее.

4. «Лошадку застраховать не желаете?»

В конюшне было душно и грязно. Пахло прелой соломой, навозом, конским потом. Стойла были давно не чищены, овес в кормушках кое-где покрылся плесенью. О воде здесь и не слышали. Содержатели конюшен при Гентурийской Приграничной Ярмарке заботились исключительно о наживе и сэкономили на всем. Все равно дольше одной ночи постояльцы здесь не задерживались: прибывали с хозяевами отовсюду аккуратно накануне ярмарки, проводили в конюшне ночь и на следующий день уходили с молотка в руки новых владельцев.

Ярмарка в конце года обычно не пользовалась популярностью ни у продавцов, ни у покупателей, и потому конюшня была заполнена едва ли на треть. Четверка обычных крестьянских кляч, кобыла с жеребенком явно сентихветского происхождения и, неожиданный и удивительный гость в ярмарочной конюшне, роскошный жеребец белой масти.

Жеребец был исключительно хорош. Шелковая грива водопадом струилась по могучей шее. Упругие мышцы перекачивались под нежной шкурой. Он был не подкован, без седла и поводьев, что наводило на мысль о нелегальных способах его появления на ярмарке. Но Гентурия, особенно при-

граничная полоса, тем и славилась, что здесь лишних вопросов не задавали. Владельцем коня значился высокий мрачный оборванец в черной накидке, и никто у него не поинтересовался, где он его раздобыл.

Поначалу жеребец бушевал. Бил мощным копытом в деревянные переборки, сопел и фыркал. Но старался он напрасно. Несмотря на внешнюю неприглядность, конюшня была сделана на славу и могла выдержать не одно возмущенное копыто.

Вскоре жеребец притомился и замер в углу, опустив благородную голову. Усталость взяла вверх. Он задремал, и белоснежная челка спустилась на круглый блестящий глаз.

Конь видел сон.

Белокурая челка лихо закручивалась на гладком лбу. Приветливая улыбка украшала и без того красивое лицо. По городской улице, утопая в нечистотах, шагал молодой красавец. Верхушки его черных сапог блестели, как и черные глаза из-под пшеничной челки. Одет он был скромно, но опрятно и со вкусом, под мышкой сжимал небольшой холщовый мешок. Сердце радовалось при взгляде на его счастливую румяную физиономию.

На середине улицы красавец остановился. Повертел головой по сторонам, потоптался немного на месте и пошел напрямиком к аккуратному домику с зелеными ставнями. К столбу у входной двери был привязан могучий сентихветский конь,

и красавец, обходя его круп на почтительном расстоянии, окинул коня неожиданно цепким заинтересованным взглядом.

Открыли красавцу сразу. На пороге стояла дебелая девица, чье зеленое платье чуть ли не лопалось на мощной груди. При виде девицы красавец расцвел, откинул со лба пушистую челку и сладко спросил:

– Лошадку застраховать не желаете?

Из дома с зелеными ставнями он вышел не скоро, сжимая в руке туго скатанный пергамент. Отошел подальше, с довольным видом сунул пергамент в мешок и свернул на соседнюю улицу.

Эта была побогаче и погрязнее. Почти у каждого дома были врыты столбы для лошадей, а кое-где виднелись и крытые навесы, способные приютить упряжку-другую. Красавец заметно оживился, пригладил волосы, подтянул штаны и пошел напрямиком к первому дому.

К концу улицы мешок красавца поправился на четыре свитка, а в его внешности произошли некоторые изменения: под глазом набухал синяк, рубашка на плече была разорвана, на штанах сзади виднелся отчетливый след от сапога. Но уныния в красавце заметно не было. Он еще раз оглядел улицу, усмехнулся и, поправив разодранную рубашку, двинулся дальше.

Вечер следующего дня застал красавца в городском трактире. Он скромно сидел в углу, попивая мутное пиво, и стрелял по сторонам глазами. Рубашка его была зашита, синяк под глазом побледнел. Мешок был надежно приторочен к поясу.

Недалеко от красавца выпивала шумная компания, и служанки едва успевали выставлять на стол новые ломти хлеба и копченой свинины.

– Слышали, на подворье Груздя все лошади подошли? – вдруг спросил один.

Красавец наострил уши.

– Говорят, моровая язва.

– Какая язва, капуста тухлой поели, вот и сдохли, – усмехнулся трактирщик.

– Неправда, – возразил рассказчик. – И у Жука кобыла сдохла. Он ей всегда отборный ячмень давал.

В компании зашумели, заволновались.

– Что делается... по миру пойдем... куда король смотрит... лечить скот надо... это Гентурия виновата... границу закрыть и дело с концом...

Под шумок красавец перебрался за общий стол, повозмущался вместе со всеми, посетовал на правительство и погоду, а затем бросил невзначай.

– Есть верное средство от любой напасти.

Все головы повернулись к нему.

– Стараюсь об этом не распространяться, желающих слишком много. Но вам скажу. – Он понизил голос. – Страховать лошадок надо.

Через полчаса мешок красавца разбух и потяжелел. Последний из компании тяжело сопел, выводя на пергаменте свою подпись, когда трактирщик собирал кружки со стола.

– Ерунда все это, – сказал хозяин веско. – Какая у нас эпидемия. Капуста тухлая.

– Значит, вы лошадок страховать не желаете? – расплылся красавец.

– Еще чего. – Трактирщик понес кружки к стойке. – И никому не посоветую.

Красавец проводил новых знакомых до навеса, подождал, пока они не разберут своих коней, и, когда последний всадник скрылся с глаз, сунул руку за пазуху и достал маленькую черную коробочку. Воровато оглядываясь по сторонам, не идет ли кто, отсыпал из коробочки в ладонь бесцветного порошка, кинул его в корыто с водой, у которого толклись хозяйские кони, и шустро зашагал прочь от трактира, бормоча под нос «капуста, я те покажу капусту».

Утром следующего дня красавец бодро шагал по Ген-турийскому Тракту в сторону границы. До перевалочного пункта было еще два дня ходу, но красавец и не собирал-

ся покидать пределы щедро унавоженного Ахарта. В приграничной полосе было немало поселений, где у жителей водились и кони, и золотые, а ничего иного красавцу и не требовалось.

Лачугу на обочине дороги красавец сразу не заметил, а когда заметил, решил поначалу, что время терять не стоит. Деревянные стены, исхлестанные непогодой и изъеденные жуками, едва держались. Крыльцо осело и покосилось, на крыше почти не осталось соломы. Окошки были забиты досками, сквозь щели в одном пробивалось какое-то чахлое темно-зеленое растение. Если в таком доме кто-то и живет, лошадок у него явно не водится.

Но за лачугой красавца поджидал сюрприз. Под добротным навесом, который не посрамил бы и приличный дом, стоял могучий черный жеребец и жадно поедал овес из яслей. Корыто было красиво сработано, украшено резьбой. Необыкновенно крупный овес смачно хрустел на зубах коня. Но самым необыкновенным был сам жеребец, мощный, сильный, с блестящей гривой. Что это за порода, красавец не знал, хотя лошадей повидал всяких. Зато он отлично понимал, что у хозяина такого коня должны водиться деньжата.

Без колебаний красавец взбежал на крыльцо. Перемахнул через провалившуюся ступеньку, толкнул хлипкую дверь.

– Есть кто-нибудь? – осторожно спросил он. – У меня к вам дельце.

Было слышно, как за стеной лачуги заржал конь. В глубине лачуги завозились.

– Лошадку застраховать не желаете? – спросил красавец.

В лачуге зажегся свет, толстая свеча из первостатейного ахартского воска, на удивление хорошая, недешевая вещь. В закоптелых стенах бедняцкой лачуги, на кривом столе из грубых досок она смотрелась неуместно, как и жеребец под навесом.

– Что надо? – проскрипел голос, и навстречу красавцу шагнул хозяин лачуги.

Человек это был высоченный, неимоверно худой, но крепкий и широкий в кости. Черный поношенный балахон висел на нем как складки плоти на хвосте пентегских драконов, да и в нем самом, как показалось на миг оторопевшему красавцу, было что-то драконье: большой крючковатый нос, узкая щель рта, высокий лоб с выдающимися надбровными дугами, длинные черные волосы. Грудь его была вся засыпана овсом. Он бы напугал любого, но красавцу приходилось сталкиваться и не с такими типами, а воспоминание о роскошном коне приятно грело душу.

– Я говорю, лошадку застраховать не желаете? Хорошая лошадка у вас там привязана. Нынче тяжелые времена. Оглянуться не успеете, как лошадку...

– Нет, – рыкнул чернявый.

Красавец тряхнул белокурой челкой и привычно улыбнулся.

– Очень времена тяжкие. Моровая язва, говорят, бродит. А я и против краж, и против мора, и против чего скажете страхую. Всего то пара золотых.

– Нет.

– Скидку сделаю, – не сдавался красавец. – Лошадка больно хороша.

– Нет.

Красавцу показалось, что он понял причину упорства мрачного владельца. Он шагнул чуть ближе и, как будто кто-то подслушивал, сказал негромко, но веско.

– Всякая страховка имеется. Если вдруг, скажем, настоящий хозяин коня объявится, вы компенсацию получите. И в будущем если на дело пойдете...

– Пошел вон! – взревел несговорчивый клиент.

Красавец быстро попятился к выходу, но у самой двери запнулся.

– Если надумаете, заглядывайте в харчевню Куна перед границей. Я там пару деньков точно...

Чернявый молчал, и ободренный красавец снова шагнул в хижину. Но тут чернявый с воплем схватил что-то с пола и швырнул в лицо красавцу. Удар был меток и силен. Теплая, дурно пахнущая масса залепила красавцу лицо.

Из лачуги пришлось выбираться на ощупь, по аккомпанемент издевательского хохота.

Как показалось красавцу, смеялись двое.

Он отбежал от хижины, отряхнулся. Все – руки, лицо, одежда, мешочек с пергаментами – ужасно смердело. В сердце красавца бушевала ярость. Как работать в таком виде? Его же ни в один дом не пустят. А до куновской харчевни еще шагать и шагать.

Бормоча ругательства, красавец двинулся прочь. Он еще вернется. Не сейчас, ночью. Заветная коробочка полна, упрямы на этот раз почти не попадались. А чтоб наверняка, он дозу вдвое увеличит.

Посмотрим еще, кто в дерьме окажется.

Харчевня Куна стояла у самой границы и издавна пользовалась славой надежного убежища для всякого сброда. Красавец обычно держался от таких мест подальше. И заработать не заработаешь, и неприятности наживешь. Но на много лиг приграничной полосы больше постоянных дворов не было, а красавцу нужно было отдохнуть перед обратной дорогой.

Он уселся на лавку, поближе к засиженному мухами окну, потребовал баклажку пива и только приготовился скуки ради приударить за хорошенькой служаночкой, как дверь харчевни слетела с петель.

Все головы повернулись к входу. Красавец испуганно приподнялся. Пальцы его судорожно стиснули горлышко баклажки.

В дверном проеме стоял чернявый. Его балахон был по-

мят и испачкан, волосы всклокочены. Бледен он был необычайно, что в сочетании с невероятной худобой делало его похожим на мертвеца. Посетители харчевни, люди в большинстве своем бывалые и неробкие, зашушукались по углам. По спине красавца потекла струйка пота.

Один Кун, трактирщик, невозмутимо разливал пиво.

– Ты! – выдохнул чернявый, и красавец, внезапно обессиленный, плюхнулся обратно на лавку.

Кун покачал головой.

– Только не в помещении, Нитачох, – сказал он с укоризной. – Мы же договаривались.

Красавец сам не понял, как чернявый оказался возле него. Он почувствовал только, как тот схватил его за плечо – холод пальцев ощущался даже сквозь плотную ткань плаща – и выволок его из харчевни вместе с баклажкой.

– Ты что мне подсыпал, скотина? – прошипел чернявый.

Плечо красавца он так и не выпустил – держался за него, чтобы не упасть.

Красавец сразу осмелел.

– Что-то вы меня с кем-то путаете. Я лошадок боюсь. Заходил к вам на днях, а вы не пожелали.

Чернявый тяжело дышал и покачивался.

– Не передумали? Как лошадка поживает? Хорошая у вас лошадка, первоста...

– Нет у меня никакой лошадки, идиот! – ругнулся черня-

вый. – Это я был, я! Ты не лошадь потравил. Ты меня чуть на тот свет не отправил!

Красавец попятился.

– Это как? Как это? Чего-то я вас не понимаю.

Чернявый улыбнулся, обнажив бледные десны. У красавца подкосились ноги.

– Понял теперь, с кем связался? – прошипел чернявый.

– А я то... я только лошадок... – забормотал красавец, чувствуя, что слова, с которыми у него никогда проблем не было, вдруг где-то в глотке застряли.

Что-то зеленое мелькнуло в руках чернявого, послышалось неясное, угрожающее ворчание, и красавец с ужасом понял, что ни словечка сказать не может, а из его рта вырывается почему-то лошадиное ржание...

Конь испуганно всхрапнул и проснулся. Пугающего зеленого мелькания больше не было. Вместо грязных стен харчевни Куна – дощатая перегородка конюшни, вместо кислого запаха пива из баклажки – вонь нечищеного стойла, вместо пьяного хохота завсегдатаев – нежное ржание сентихветской кобылы, успокаивающей своего жеребенка.

Это было отвратительно.

Конь уткнулся лбом в перегородку, не замечая, что пшеничная челка застряла между досок. Из черного глаза вниз покатилась слезинка.

Шум в аукционном зале для острого слуха жеребца был невыносим. Он мелко подрагивал в крепких руках конюшего, силился выглянуть из-за занавески, отделявшей аукционный зал от загона. Но в зале было темно, яркий свет горел лишь над площадкой, куда выводили лошадей, и жеребец только зря напрягал шею и терпел тычки конюшего.

Торги шли быстро. На концеводических ярмарках товар был заурядный, покупатель – небогатый. Здесь хотели не диковинку прикупить, а заплатить поменьше, поэтому торговались мало, цену не набавляли.

Жеребец волновался. Тревоги прошлой жизни остались в прошлой жизни. В этой нужно было думать о будущем. А будущее любой лошади в хозяине. Достанешься низверскому земледелу, будешь всю жизнь в поле пахать. Сигмеонский воин из сражений не вылезает, гентурийский разбойник заставит торговые караваны догонять. Шильды скачки обожают, у них хорошему жеребцу и почет, и корм, но и побегать придется немало...

По любому стоило прикинуться полудохлой клячей. Если повезет, купят на племя. На что еще годится статный красавчик, который еле ноги волочет?

Жеребец искусно запнулся копытом за копыто и чуть не растянулся на площадке, куда его выволок конюший.

– Вставай, кляча!

Жеребец мысленно похвалил себя за сообразительность. Так и надо чернявому мерзавцу. За клячу много не дадут.

Рассчитывает нажиться на собственной подлости и на чужом несчастье? Не выйдет.

Но на середине площадки жеребец споткнулся уже по-настоящему. В первом ряду, на шатком ярмарочном стуле сидела молодая женщина поразительной красоты. Ее черные волосы закручивались в тугие кольца, глаза блестели влажно и призывно. Легкая золотистая ткань, из которой было сделано ее одеяние, просвечивала так, что даже в полумраке аукционного зала все изгибы ее соблазнительного тела были отчетливо видны. В вонючем, пропахшем потом и шкурами зале витал явственный аромат фиалок.

По обе стороны от красавицы сидели здоровенные угрюмые парни. Остальные участники торгов, как правильно предположил жеребец, в основном, разбойники и земледельцы, держались от женщины на почтительном расстоянии. То ли из восхищения перед ее редкостной красотой, то ли из уважения к громадным ногам ее спутников.

Жеребец встрепенулся. Вот хозяйка так хозяйка. Такая женщина знает толк в прекрасном. Такая в поле не погонит, пахать не заставит, в грязной конюшне держать не станет. Жеребец представил, каково ходить в седле под эдакой красавицей, и тихонько заржал. Мышцы заходили под атласной кожей, кровь вскипела в жилах. Рядом с такой женщиной даже жеребцу хорошо будет.

Но красавица, похоже, думала иначе. Она без интереса на-

блюдала за его грациозными выкрутасами и вступать в торги не спешила.

И только когда жеребец уже потерял надежду и приготовился к тому, что толстый ахартский торговец украсит им свою упряжку, красавица как бы нехотя подняла ручку и показала два пальчика.

Жеребец сразу воспрянул духом. По залу пронесся шепоток, восхищенный, должно быть. Отдать две меры золота за коня на концегодичной гентурийской ярмарке никто из присутствующих не смог бы. Столько денег здесь никто в глаза не видел, и жеребец в том числе. От восторга и предвкушения у него зачесалась коленная чашечка на правой передней ноге. Свершилось! Жаль только, что этот гад-чернокнижник станет богаче на целых два мешка золотых. Но счастье переполняло жеребца, и он решил не мелочиться. В конце концов, ему самому от золота уже никакого проку. Хоть десять мер дай.

В конюшню жеребец вернулся совсем другим конем. Едва ли не пританцовывал от нетерпения, представляя дворец, где его разместит новая хозяйка. Когда за тебя столько платят, то и ухаживать будут по высшему разряду.

Конюх завел жеребца в стойло и сказал:

– Скоро тебя заберут. – Он на удивление нежно потрепал жеребца по холке. – Бедняга. Такой красавчик.

Тон конюха жеребцу не понравился, но что возьмешь с

простолюдина?

В соседнее стойло привели сентихветскую кобылу – всех остальных забрали новые хозяева прямо в зале. Когда конюх вышел, она положила голову на перегородку и проржала:

– Такой молодой, такой красивый. И так не повезло.

Жеребец не знал, что поразило его сильнее. То, что он понимает кобылу, или сострадание в ее голосе. Ей ли его жалеть? Ее новый хозяин – грубый земледел, его – изысканная красотка, так что насчет сострадания следовало прояснить. Но пока жеребец размышлял, поймет ли кобыла человеческую речь и, если не поймет, получится ли у него ясно проржать свой вопрос, за кобылой пришли.

Расстроиться жеребец не успел, потому что едва кобылий хвост скрылся в дверях, как на том же месте мелькнуло золотистое полупрозрачное одеяние. В конюшне запахло фиалками. Тонкая ручка ухватила жеребца за гриву, и сердце его остановилось...

Красавица из аукционного зала (или пора уже называть ее хозяйкой) притянула голову жеребца к своему неотразимому личику так близко, что он на миг решил, что за этим последует поцелуй. Жеребец слегка испугался. Лицо было прекрасно, но как целовать человека, если ты лошадь, он не представлял.

Но уже в следующую секунду жеребец испугался гораздо сильнее, потому что прелестное личико вдруг исказилось плотоядным оскалом. Красотка обнажила острые хищные

зубы. Прищелкнула языком. Впилась ногтями в холку жеребца.

– Как мне с тобой повезло, мой сладкий. Я и не думала такую красоту встретить в этой дыре.

Из ее полуоткрытого рта пахнуло чем-то зловонным, и жеребец в панике забил копытом.

– За такого и двух мешков не жалко. Жду не дождусь, когда мы с тобой останемся дома. Девочки будут в восторге. Мы тебя даже готовить не будем. Съедем живьем.

– То есть как съедите? – жеребец то ли проржал, то ли проговорил в ужасе. – По-настоящему?

Видимо, все-таки проговорил, потому что красотка захлопнула рот и отпрянула.

– Ты говоришь?

– Говорю, – признался жеребец. – Не надо меня есть.

Красотка с воплем бросилась вон из конюшни. Жеребец обмяк и бухнулся на передние колени. Он и не собирался говорить с людьми по-человечески. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь узнал о его позоре. Но если это спасет его от страшной участи, он готов болтать сутками напролет, не прерываясь на сон и еду.

Однако столь крайние меры не понадобились. Не отходя далеко от конюшни, красотка дешево спланила жеребца торговцу лошадьми. Торговец долго хвастался удачной сделкой: он выручил за жеребца три меры золота у Короля Трех

Королевств, выбиравшего достойного коня для сына своего, принца Астургласа.

5. «Фишка»

Лагош, горшечных дел мастер, был человеком предприимчивым и потому беспокойным. Когда золото в Трех Королевствах отменили, Лагош решил, что с глиной возиться хватит. Прибыль и без того невелика, а еще грязь, да и потакать вкусам публики надоело. Сегодня всем нужны горшки с узкими горлышками, завтра – с широкими, а послезавтра ни у одной хозяйки мясо не запекается, если на горшке не выжжена модная эмблема полусолнца. Сколько можно? Разве оборотистому человеку тут есть развернуться?

Тем более раз золото запретили.

Нет, в Трех Королевствах ему тесновато, как и на гончарном круге. Иное дело Гентурия. Страна решительных и смелых. Шустрых и находчивых. Не без недостатков, конечно. Грязно там, и порядка маловато. Но тем больше шансов для настоящего таланта...

Телегу тряхнуло на ухабе, и Лагош отвлекся от приятных размышлений.

– Дзуруб, паскудник ты эдакий! Куда твои глаза только глядят? Все дрыхнешь?

Тощий замызганный парнишка зевнул в кулак и схватился за поводья.

– Чего сразу Дзуруб, пегая сама идет, умница, чего ее зря дергать...

Лагош отвесил сыну подзатыльник и отобрал поводья. Непутевый у него парень, не поймешь, в кого такой. Ни одной мысли о деле, все бы ему дрыхнуть. Ну да ничего, на новом месте зашевелится. На новом месте забегает. Гентурия тебе не спокойный Ахарт. Там или ты ешь, или тебя едят...

Лагош задумался, и поводья снова повисли. Чего пегая лошаденка, впряженная в телегу, даже не заметила.

К трактиру Куна они подъехали поздно вечером. Заведение Лагошу не понравилось: темное и грязное, а уж крики, доносящиеся оттуда, явно не предназначались для ушей порядочного человека, да еще с ребенком. Гертруда точно не одобрила бы.

Но Гертруда не одобрила и переезд и потому осталась пока в благополучном Ахарте, у своей сестрицы. Дожидается, когда они обоснуются на новом месте. Так что у него есть пара месяцев свободы, а то и три, если дело не сразу пойдет на лад.

Лагош почесал в затылке рукоятью кнута. Внезапно открывшаяся перспектива приятно удивила. Значит, это он верно решил насчет Гентурии.

Дзуруба Лагош отправил кормить пегую, а сам облокотился о стойку Куна и принялся осматриваться. В трактире пили много и шумно, с братанием и ссорами, и хорошенькая служаночка явно выбивалась из сил, подтаскивая завсегда-

таям все новые и новые жбаны с пивом.

– Хорошо бизнес идет, – крикнул Лагош. – Народ пьет.

– Разве это пьют? – презрительно отозвался Кун. – Вот в Бине, там пьют. А у нас балуются.

– Так, наверное, и убытков от сильно пьющих много, – продолжал Лагош, наблюдая за новой дракой.

– У нас много, – согласился Кун. – Дикие люди. Это в Бине клиент порядочный, степенный. К трактирщику уважительный.

Лагош, который считал себя порядочным и степенным, уважил Куна жбаном пива, а затем вторым и третьим. На хмельную голову разговор пошел глаже. Лагош выяснил, что работа у трактирщика легкая – «знай себе наливай, да золотые собирай», доходная – «а если б пили, как в Бине, давно бы разбогател», интересная – «чего только не случается, сам не увидишь, не поверишь».

Дзуруб наблюдал за беседой отца издали и предчувствовал, что ничем хорошим она для него не закончится. Так и вышло. После шестого жбана Кун вернулся к своим обязанностям, а грузный Лагош рухнул на пол прямо у стойки и захрапел на весь трактир. Пришлось Дзурубу тащить его до комнаты и укладывать на кровать. Лагош бормотал что-то невнятное и храпел так раскатисто, что Дзуруб решил переночевать в общем зале. Там точно потише будет.

В зале Дзуруб растянулся на скамейке подальше от самой буйной компании и закрыл глаза. Спал он недолго. Что-то тяжелое и на ощупь неприятное опустилось на его босую ногу. Дзуруб охнул и отодвинулся. Незнакомец, который потревожил его сон, был худ, черноволос и печален. Он сидел сгорбившись, склонив кривой нос почти к самому столу, и кашлял тяжело и надсадно.

– Болеете? – не выдержал Дзуруб. – Болотная лихорадка или Дрожь Брита? Погань страшная и то, и другое, как привяжется, ни за что не отстанет.

– Впервые слышу, – буркнул незнакомец и снова зашелся в приступе.

– Но кашляете вы точно как при болотной лихорадке, – упрямылся Дзуруб, – ну или еще...

– Я не болею, – повторил незнакомец. – У меня конь болеет. Кашляет. Тоже.

– Как вы? – заинтересовался Дзуруб. – Болотную лихорадку кони не цепляют, а от Дрожи мрут сразу...

– Специалист? – хмыкнул незнакомец. – Много вас тут таких.

Дзуруб обиделся.

– Я как человек человеку, а вы ругаетесь, если не лихорадка и не Дрожь, значит, порошок чумной где лизнула лошадка; моя пегая тоже однажды нос сунула в сумку к какому-то хмырю, еле выходил.

– Порошок, говоришь?

– Ну да, штука страшная, любую лошадь с копыт валит, и не дознаетесь ни за что, отчего сдохла. А вот если чуток только нюхнет, можно понять, что это порошок; я то сразу просек, когда пегая заболела. – Дзуруб вздохнул. – Ох и хвалил меня тогда папаша, никогда так не хвалил.

– Как ты ее вылечил?

– Чего там лечить? – пожал плечами Дзуруб. – Похлебку сварил да скормил, потом как жеребенок забегала, а ведь совсем дохлая была. Папаша...

– Что за похлебка?

Дзуруб почесал в затылке.

– Овса навар, лугавки пару стеблей, обычная самая похлебка. – Дзуруб довольно осклабился. – Только я фишку одну придумал, ну не придумал, случайно вышло. Матушкин бубес в похлебку плеснул. Жуткая гадость, но пегой нравится, похлебку смела только так и поздоровела на завтра же. Я и смекнул, что в бубесе дело, без бубеса ни за что бы...

– Сделай мне, – прохрипел незнакомец.

– Бубес? Да вы его в рот не возьмете с непривычки, говорю же, жуть гадкая.

Незнакомец стиснул руку Дзуруба так, что она сейчас же онемела.

– Сделай мне похлебку. Сейчас. Три месяца терплю. Сил нет.

– Три месяца? – открыл рот Дзуруб. – И не сдох еще конник? Вот дела. Что это за порода такая?

Но тут глаза незнакомца полыхнули пламенем, и Дзуруб ясно понял, что сейчас идеальный момент для похлебки, но никак не для расспросов.

На кухню Дзуруба, к его великому удивлению, пустили. Незнакомец пошептался немного с Куном, и хорошенькую служаночку отрядили Дзурубу в помощь. Он не сразу вспомнил, как похлебку варил – мешали улыбки служаночки, да и спать хотелось очень – но сварил все-таки и вынес миску с дурно пахнувшей жидкостью незнакомцу.

– Вот это берите да пусть пьет прямо сейчас.

Незнакомец выхватил у Дзуруба миску, выскочил на улицу. Послышалось торопливое глотание.

– У него что, конь у дверей привязан? – удивился Дзуруб.

Хорошенькая служаночка засмеялась и потрепала его по щеке. Дзуруб хотел было обидеться, но не стал, слишком уж устал. Поднялся в комнату отца, свернулся калачиком на полу. Скамья в общем зале была мягче, но зато здесь никто не требовал от него лошадиных снадобий, и вскоре Дзуруб заснул безмятежным сном.

Лагош проснулся поздно, но с легким сердцем. Шесть жбанов были не зря выпиты. Теперь он знает, куда ехать, чем заниматься и, главное, как сказочно разбогатеть.

– Дзуруб, а, Дзуруб.

В ответ донеслось сопение. Лагоша перекосило. Что за па-

рень. Отец судьбоносные решения принимает, а он не то что не помогает, но даже выслушать не может. Лагош кряхтя наклонился, подцепил ботинок и швырнул его в спину Дзуруб, который мирно спал в углу.

Хряп.

Дзуруб перевернулся на другой бок и засопел сильнее.

– Дзуруб! – позвал Лагош громче. – Вставай! Мы в Бину едем. Новое дело затевать.

Сопение прекратилось. Лагош ждал.

– Какое дело? – без энтузиазма пробормотал Дзуруб, но Лагошу было довольно и этого. Он приосанился и торжественно объявил:

– Я, Дзуруб, пивную открываю.

Квеч, предместье Бины, оказался раем для пивоваров. Хмелем и солодом торговали на каждом углу. От баклажек, жбанов, ведер, кружек и прочей посуды глаза разбегались. Лагош покупал помногу и везде разговаривал о перспективах бизнеса в Бине. Ему отвечали охотно, а еще охотнее продавали. От скидок и подарков голова шла кругом, вот только в долгосрочные отношения торговцы вступать отказывались. Лагош хотел договориться о поставках хмеля на ближайшие три месяца, но торговец предложил купить трехмесячный запас сразу и дал гигантскую скидку.

Лагош покупал и покупал. Он скупил бы весь город, да только золото закончилось. Мешки еле поместились на те-

леге, и пегая лошаденка, недовольная таким положением вещей, не желала трогаться с места, пока Лагош не взялся за кнут.

Постепенно волнение, вызванное на редкость удачными покупками, улеглось, и Лагош погрузился в приятные подсчеты. По всему выходило, что к тому времени, когда Гертруда с сестрицей осчастливят Бину своим присутствием, он станет гораздо, гораздо, гораздо богаче...

Что его подсчеты неверны, Лагош понял намного раньше, чем хотелось бы. Выпивох, может, в Бине было и много.

Вот только пивнушек было не меньше.

Они ехали по узким улочкам Бины, и везде, куда ни кинь взгляд, виднелись вывески питейных заведений. Казалось, в Бине ничем другим и не занимаются, кроме как выпивают и наливают, наливают и выпивают. Лагош маскировал разочарование как мог.

– Отлично тут бизнес процветает, – убеждал он то ли себя, то ли Дзуруба, то ли пегую. – Спрос высокий имеется, потому и заведений много. Чтобы удовлетворять. Ох и развернемся мы тут. Враз разбогатеем.

Дзуруб и пегая молчали, как казалось Лагошу, мрачно. Его и самого одолевали мрачные мысли, но он боролся с ними как мог. Не может быть, чтобы ему не повезло. Ему всегда везет.

Помещение для пивнушки нашлось быстро, на первом этаже заколоченного дома. Лагошу пришлось расстаться с последним, припасенным на черный день золотишком, и настроение его от этого лучше не стало.

Прошла неделя. Лагош варил пиво – не хуже и не лучше, чем у соседей. Завел несколько постоянных клиентов, в основном, переселенцев из Ахарта. Гонял Дзуруба, с тоской провожал глазами каждого выпивоху, который шел мимо его пивнушки, и с невольной дрожью подсчитывал дни, оставшиеся до приезда грозной Гертруды.

Дзуруб отца жалел, но и злился тоже. Ясное дело, ничего в этой Бине не заработаешь. Распродали бы вещички за полцены, да и поехали бы дальше. Глядишь, что-нибудь подвернулось бы. Но Лагошу разве что докажешь? Вцепился в свои мешки с хмелем и ни с места. Вздуть бы этого Куна как следует. Знал ведь, о чем болтает, когда отца с толку сбивал.

– Чего грустишь? – Новый посетитель бухнул жбан перед Дзурубом и сел рядом. – Еле тебя нашел.

Дзуруб узнал черноволосого незнакомца из трактира. Бледен тот был по-прежнему, но не кашлял и смотрел гораздо бодрее.

– Здравсьте, – сказал Дзуруб. – Как ваша кобылка, выздоровела?

– Жеребец, – поправил незнакомец. – Спасибо, не жалуясь.

Он глотнул из жбана.

– Я искал тебя, Дзуруб. С меня причитается за похлебку.

Дзуруб был приятно удивлен. Он о таком читал: когда добром за добро, и добра немало. Но чтоб в жизни – такого ни разу с ним не было.

– Ой, да не нужно ничего, – засмутился Дзуруб. – Я просто так похлебку сварил, лошадку пожалел.

Незнакомец величественно закинул дырявый плащ на плечо.

– Проси, чего хочешь. Я все могу.

Дзуруб засомневался, но обижать незнакомца не стал.

– Папаше бы помочь, бьется он с этим пивом, бьется, а толку нет. Вот бы так сделать, чтобы к нам все хлынули и только наше пиво пили. – Дзуруб вздохнул. – А то мамаша его со свету сживет.

Лохматые брови незнакомца сошлись в одну линию.

– Если сложно, то не надо, – испугался Дзуруб, – я так, что первое в голову пришло, сказал, мне бы и штаны новые не помешали.

– Для Нитачоха нет ничего сложного! – воскликнул незнакомец. – А штаны тебе папаша купит, когда разбогатеет.

Незнакомец встал и пошел к стойке, за которой угрюмый Лагош пересыпал горстку мелочи – весь сегодняшний заработок. Дзуруб поплелся следом. Ему было любопытно.

Рядом со стойкой разговаривали о чудесах Одеаны. Лаго-

шу хотелось послушать – столько лет по соседству прожил, а ни о чем подобном и не подозревал, но тощий чернявый бродяга запросил еще жбан пива, и пришлось оторваться от интересного рассказа.

Незнакомец взял жбан, пригубил, скривился.

– Не надо мне тут, – фыркнул Лагош. – Пиво как пиво. Как у всех.

– Вот именно, – хмыкнул незнакомец. Изможденное лицо его просияло, и Лагошу почему-то стало страшно. – Я сварю тебе пиво, какого нет ни у кого.

К концу следующего дня незнакомец, потный и еще более тощий, если такое было возможно, выволок громадную бочку на середину общего зала. Редкие посетители благоразумно отодвинулись к стенам, причем Лагош никак не мог понять, кто пугал их больше, бочка, которая в любой момент могла опрокинуться, или незнакомец.

– Готово! – торжественно объявил незнакомец. – Первое в истории Гентурии живое пиво. Первое во всем мире, пожалуй.

Ни аплодисментов, ни восторженных возгласов его объявление не вызвало, но незнакомец, не смущаясь, плюхнул в бочку черпачок.

– Пробуйте.

На заднем плане кто-то нервно хихикнул.

Незнакомец зачерпнул пиво.

– Лучшее из того, что я сотворил за последний месяц. – Он ткнул черпачок Лагошу в руки. – Ты на этом разбогатеешь. Божественный вкус. С твоей кислятиной не сравнить.

Лагош с опаской взял черпачок. Поднес к губам.

– Нитачох гарантирует качество, – ухмыльнулся незнакомец.

Кто-то из зрителей пискнул и бросился вон. Дверь гулко хлопнула.

Лагош настороженно глянул на пиво и сунул черпачок Дзуруб:

– Пей!

Вкус был... Дзуруб хотел подобрать подходящее слово, но подходящих слов у него для такого не было.

– Ну как? – Лагоша перекосило от нетерпения. – Вкусно?

Дзуруб глотнул еще.

– Ничего так, не бурда, пить бы и пить такое...

Он залпом допил черпачок и жадно посмотрел на бочку. Зрители одобрительно загудели и стали перебираться поближе.

– Я же говорил. – Незнакомец хлопнул Дзуруба по плечу. – Спасибо за похлебку, паренек.

Живое пиво Лагоша стало знаменитым за ночь. К нему выстраивались очереди, а очередей в Бине не видели со дня открытия первой пивнушки. Золото текло рекой, зависть из-

ливалась лавой. Все пытались повторить успех Лагоша, но он крепко держался за рецепт и пиво варил в одиночку, даже Дзуруба не допускал, чтобы секрет никто не разведal.

Самому Лагошу живое пиво не нравилось: слишком крепкое, с ног сшибающее, но он об этом благоразумно помалкивал и только полировал бок той самой, первой бочки. Он держал ее рядом со стойкой, пиво из нее не продавал. Это пиво стало для него символом. Когда никто не видел, Лагош любовно поглаживал деревянный бок, заглядывал в темную пьянящую глубину и предвкушал грядущее богатство.

От предвкушения голова у Лагоша кружилась. Она кружилась день, два, три, четыре. Пять и шесть дней кружилась. На седьмой и восьмой тоже.

А на девятый день пиво в бочке ему подмигнуло.

Лагош ойкнул и врезался мощной спиной в стойку. Показалось. Конечно, показалось. Он осторожно пододвинулся к бочке. Заглянул внутрь.

Пиво смотрело. Глаза у него были небольшие, ясные, какого цвета – поди разбери. Лагош зажмурился, ухватился за край бочки, чуть было не опрокинул.

– Осторожнее, пожалуйста, – пробулькало пиво. – Выльюсь.

– П-простите, – пробормотал Лагош. – Я нечаянно.

– Ничего страшного. Я само виновато. Напугало.

Лагош сделал над собой усилие и открыл глаза. Пиво по-прежнему смотрело и вдобавок улыбалось.

– Я давно хотело заговорить, – призналось оно. – Но страшно было.

– Так ты там... – Лагош прокашлялся. – Давно?

– С самого начала, – вздохнуло пиво. – Хотя где оно, это начало? Когда я пытаюсь осознать процесс своего появления, размышляю над тайной создания...

– Как же мы тебя пили?! – закричал Лагош в ужасе, не дослушав про тайны и процессы.

Пиво пошло рябью смущения. Как Лагош понял, что пиво именно смутилось, он вряд ли бы мог сказать, но никаких сомнений в том не было.

– Я пиво, – булькнуло оно. – Меня пьют.

Мысль была настолько глубока, что Лагош не мог ничего произнести пять или шесть минут. Пиво понимающе молчало и забавлялось тем, что тихонько пускало пузырьки.

Наконец Лагош обрел дар речи.

– А другое пиво, что я варил... оно тоже живое?

– Откуда я знаю? – с легким упреком ответило пиво. – Насколько мне отсюда видно, его выпивают быстрее, чем оно успевает открыть рот.

Лагош на секунду представил пиво, доверчиво распахивающее глазенки в желудке перебравшего клиента, и ему все-ррез поплохело.

Но потом он подумал о своем бизнесе, и ему поплохело еще сильнее.

Тем же вечером пивнушка Лагоша закрылась. Три дня ее осаждали жаждущие выпивки, но потом смирились даже самые стойкие и разошлись по близлежащим заведениям. Осаду Лагош проигнорировал. Пиво негромко философствовало в бочке, Дзуруб сидел в углу, отказываясь выходить, «пока эта штукавина не заткнется». Лагош думал, как спасти положение и достичь желанного богатства.

Бормотание Дзуруба ему мешало.

– Иди вон отсюда! Чтоб я тебя здесь не видел!

Дзуруб нехотя поднялся и, проходя мимо бочки, вдруг с криком «лучше бы штаны дал!» пнул ее ногой. Лагош рванул к драгоценной бочке, но слишком поздно. Она грохнулась на бок, покатилась, и пиво, первое в истории Гентурии живое разговаривающее разумное пиво, вылилось на пол.

– Что ты наделал, обрзина! – завыл Лагош и принялся драть на себе волосы. – Теперь нам конец.

– Не переживайте, пожалуйста, – раздался вежливый голос. – По-моему, это только начало.

Лагош вытаращил глаза. Пиво на полу обретало форму и постепенно вставало на ноги. Оно булькало и колыхалось, сквозь него можно было при желании разглядеть стены и мебель, но оно безусловно имело тело и могло им управлять.

– Потрясающе, – выдохнул Лагош.

– Полностью разделяю вашу точку зрения, – охотно согласилось пиво, с интересом изучая собственную руку. – Выходит, я совершенно зря боялось пролиться.

Вскоре в приграничной Гентурии появился новый бродячий цирк. Там их было немало – не так много, как пивнушек в Бине, но все-таки достаточно. Однако новый цирк моментально стал популярным. Только у Лагоша можно было увидеть пиво, которое рассуждало о смысле жизни, в то время как его разливали по бутылкам.

6. «Конкуренты»

У башни было скучно. Дева хандрила и часами не показывалась в окошке. Дракон, устав притворяться горой, вычерчивал камнем окрестные пейзажи на стене башни. Выходило похоже, но оценить, кроме девы, было некому, а дева оценивать не желала.

– В чем дело, Цельфи? – восклицала она, когда приступы черной меланхолии сменялись жгучим стремлением докопаться до сути вещей. – В мире перевелись отважные мужчины? Или опасных наследников теперь банально травят, а мы вышли из моды?

Дракон благоразумно молчал. Стремление девы докопаться до сути вещей не сочеталось с умением эту суть принять. И он ограничивался уклончивой полуправдой.

– Мало ли что. Кто-нибудь скоро появится.

Дракон сам не верил в то, что говорил. Две недели они без работы. Ни принцев, ни заказов на портреты. Золото на текущие расходы подходило к концу, а о том, чтобы тронуть запас, спрятанный в пещере под ржавеющей головой принца Астургласа, и подумать было страшно.

– На что мы будем жить? – нервничала дева. – Ты знаешь, сколько у нас осталось?

Дракон знал. Он не ел виноград целую неделю, пытался сэкономить. Но много ли сэкономишь на винограде?

– Если завтра никто не появится, я сойду с ума! – объявила дева и с силой захлопнула ставни.

Один слетел с петель и стукнул дракона по скорбной морде. Было больно, и дракон едва сдержал пламя. Хорошо что много лет тренировался держать себя в лапах, а огонь – в пасти. Еще не хватало спалить башню и опозориться перед девой.

Дракон подобрал камень поострее, чтобы дорисовать куст на стене и спрятаться в пещеру. Все равно никто не придет. Можно и поспать немного.

Но до пещеры он не дошел. Только нацарапал последнюю черточку, аккуратно положил камень на место, отодвинулся, чтобы оценить перспективу, как на горной тропинке показался человек.

Дракон замер в растерянности. Притвориться скалой он уже не успевал, и выходило, что придется сражаться с принцем без подготовки и морального настроения.

Принц, видимо, тоже не подготовился. Он стоял на тропе, разинув рот на манер деревенского олуха, а пегая кобылка выглядывала из-за его плеча и равнодушно жевала стебель лугавки.

– Д-добрый день, – сказал дракон. – Вы к нам?

Вместо свирепости в голосе прозвучала надежда, но принц все равно испуганно попятился.

Впрочем, принцем он мог показаться только на первый, довольно испуганный взгляд. Успокоившись немного, дра-

кон понял, что даже в Сигмеоне на принца вряд ли бы надели дерюжные штаны и рубаху из грубого холста. И уж тем более даже в Сигмеоне проследили бы, чтобы заплат и дыр на одеянии принца было поменьше.

В любом случае на такого принца заказ не поступал, и можно было с чистой совестью оставить свое пламя при себе.

– Не уходите, пожалуйста, – взмолился дракон. – У нас так давно не было гостей.

Через пару минут дракон и принц сидели рядышком у башни и беседовали. Пегая мирно паслась неподалеку. Дева пряталась за ставнем и подсказывала ей, где искать чахлые травинки. Кобыла, всем на удивление, слушалась и в благодарность по-собачьи виляла хвостом.

– Плохая у меня жизнь... как папаша с пивом стал выступать, я от него ушел, скитаюсь...

Дракон сочувственно хмыкал и подпускал пар из ноздрей. Принц, оказавшийся совсем не принцем, а сыном горшечника Дзурубом, больше не пугался и продолжал жаловаться на тяжелую жизнь.

– Пиво у папаша песни поет, пляшет, судьбу предсказывает, а я папаше без надобности, мне теперь хоть пропадай...

Чудесное пиво интересовало дракона больше, чем сыновние страдания Дзуруба, но он из вежливости слушал внимательно, не перебивал.

Перебила дева.

– Хватит жаловаться! – крикнула она, по мнению дракона, довольно безжалостно. – Расскажи лучше, что в мире творится. Почему к нам никто не ездит?

Дзуруб заморгал, то ли от растерянности, то ли от красоты девы, а, может, от солнца и пробормотал:

– Откуда я знаю, что делается, я только в Гентурии был, в Ахарте жил с папашей, теперь вот в Сигмеон еду, там, говорят, для воинов житье хорошее.

Дева презрительно расхохоталась.

– Ты воин? Ты идиот!

– Это еще почему? – обиделся Дзуруб.

– Сигмеон в другой стороне, – деликатно пояснил дракон. – Тебе надо было у сентихветских гор налево повернуть. Через нас путь вдвое дальше.

– А то я не знаю, – покачал головой Дзуруб. – Только там теперь не пройдешь. Там дракон дорогу охраняет, жуткий, кошмарный, я к такому монстру и близко... – Дзуруб покосил на массивную кожистую лапу по соседству и осекся. – В смысле некоторые драконы, конечно, ничего...

– Не переживайте, – вздохнул дракон. – Я прекрасно знаю, кем нас считают.

– Но тот дракон правда чудище, народу пожрал страх, я потому через перевал не полез, тут безопаснее... – Кожистая лапа вновь привлекла внимание Дзуруба, он закашлялся и поправился. – То есть вы тоже страшный, конечно, не подумайте, что я не вижу, только тот дракон, он совсем.... злой.

– Понимаю, – кивнул дракон.

– Говорят, он не просто так там сидит, а стережет башню...

Дзуруб поднял голову и с очевидным интересом уставился на башню. Дева высунулась из окошка и строго спросила:

– И кто в этой башне?

– Прекрасная принцесса, – пробормотал Дзуруб. – Говорят.

Дева чуть не вывалилась из окошка. Дракон пыхнул из ноздрей паром.

Конкуренты!

Отыскать приличные доспехи в грудe мусора вокруг башни оказалось делом нелегким. Дева рылась в металлоломе, дракон зывал к ее здравому смыслу, а Дзуруб с пегой настороженно за ними следили.

– Тебе совсем необязательно туда отправляться, – говорил дракон. – Да еще в таком виде.

Дева как раз примеряла ржавый шлем и ничего не ответила.

– Давай я один слетаю, – продолжал дракон. – Поговорю, выясню, что к чему.

– Конкурентов надо уничтожить, – отчеканила дева. – Это наш бизнес. Двоим здесь места нет.

Дракон горестно вздохнул и поддел хвостом шлем поновое.

– Примерь этот.

Вскоре дева была готова. Кольчуга, шлем, щит с копьём были гнутые, местами оплавленные, но в целом приличные и сидели хорошо. Штаны, рубашку и сапоги она отыскала в своем гардеробе. Вблизи вид был не очень, но зато издали ни дать, ни взять рыцарь. Плохонький, бедный, но все-таки рыцарь, а не прекрасная дева из башни.

– Замечательно, – сказал дракон, подставляя крыло. – Садись.

Но дева задумчиво постукивала копьём по камню.

– Не пойдет, Цельфи. Рыцари не летают на драконах. Они драконов убивают.

У дракона по хребту пробежал неприятный холодок.

– Только не говори мне, пожалуйста, что...

– Да. – Дева вскинула на дракона ясные глаза. – Я поеду на лошади.

Пегой эта идея понравилась не больше, чем дракону, но переспорить деву не удалось даже Дзуруббу. Во всем, что касалось рыцарей, она разбиралась досконально: из окошка в ее башне они были отлично видны. Дева не желала ни на пядь отступать от традиций.

Вечером двинулись в путь. Дева в полном рыцарском облачении на пегой ехала по дороге, а дракон и Дзуруб, который не захотел оставаться у башни, пробирались следом.

Временами дракон был даже рад, что все так вышло. Дзуруб веселил его рассказами о папашинем цирке, а случайные путешественники, которым они тайком от девы иногда показывались, забавно падали в обморок.

К концу третьего дня с весельем было покончено. Дракон и дева стояли перед черным провалом в угрюмой скале и оценивали обстановку. Пегая паслась в стороне, Дзуруб прятался за камнями. Место и в самом деле было жутковатое. Из провала веяло холодом и смертью. Даже невозмутимая кобыла старалась в ту сторону не смотреть.

У дракона мурашки по спине бежали, и он втайне радовался, что на чешуйчатой коже их не видно.

– Ладно. Я пошел.

Он поскреб когтистой лапой по скале. Мелкие камешки тонкой струйкой посыпались вниз. Дракон не без труда протиснулся в узкий лаз.

– Осторожнее, Цельфи, – с тревогой крикнула дева.

– Дай мне пять минут, – пробурчал он из мрака. – Я крикну, когда можно будет.

Лаз оказался короче, чем ожидал дракон. Пара шагов – весьма трудных, надо сказать, по острым камням, в кромешной тьме – и дракон, отодвинув естественный занавес из вьющегося мха, вышел на маленькую залитую солнцем полянку.

Он был настолько не готов к такому, что замер на месте

с широко раскрытыми глазами, позабыв о всякой осторожности. Местечко перед ним было прелестное. Свежая травка мягко пружинила под ногами; то там, то сям росли нарядные цветочки. Вдалеке виднелся уютный яркий домик с черепичной крышей; с правой стороны бодро изливался водопад. Убаюкивающе журчала вода. Большие деревья, росшие у водопада, обещали изумительный отдых в приятной прохладе. Даже неприступные скалы, окружавшие полянку, казались изнутри гораздо дружелюбнее, чем снаружи.

Дракону захотелось дать Дзуруббу подзатыльник. Проверял бы факты, прежде чем сбивать людей и драконов с толку. Проход на Сигмеон свободен, безопасен и живописен до такой степени, что аж слезу вышибает. Ради чего, спрашивается, они покинули свою одинокую башню посреди усыпанной костями площадки и темную пещеру с головой принца Астургласа?

Можно было смело двигаться обратно. Дракон потоптался немного, поводит хвостом по травке, наслаждаясь ее мягкостью, еще раз поглубже вдохнул воздух, напоенный свежими цветочными ароматами. Хорошо... Пожалуй, можно обойтись без подзатыльника. И домой спешить не нужно. Деве полезно будет побродить среди цветов и деревьев, послушать шум водопада, успокоиться, обрести душевное равновесие...

Довольный дракон открыл было пасть, чтобы подать сигнал, но в ту же секунду безжалостный удар в бок сбил его

с ног. К нападению он был не готов и рухнул беспомощной грудой у подножия скалы. Когтистые лапы придавили к земле его голову. Дракон забил крыльями, замахал хвостом, попытался дохнуть пламенем, но даже пасть не сумел приоткрыть. Хватка у его противника была отменная.

– Не суетись, – прошипел хриплый голос над ухом дракона. – Твоя песенка спета.

Голос показался знакомым, и дракон из последних сил скосил глаза. Он чуть не заработал косоглазие, но оно того стоило. Злобная темно-красная драконья морда, свисавшая над его головой, была ему не просто знакома, а очень хорошо знакома.

– Марибела! – пробормотал он невнятно.

Злобная морда озадаченно нахмурилась.

– Цельфий?

Хватка тут же ослабла, и дракон сумел поднять голову.

– Ты не могла бы с меня слезть, Марибела?

Дракониха нехотя убрала лапы. Дракон поднялся, стараясь не тереть хвостом раненую спину, и приветливо улыбнулся. Приветливость далась ему нелегко. В Марибеле не было ничего, что располагало бы к дружеским чувствам или хотя бы к элементарной вежливости.

– Какого тебя сюда принесло? – рыкнула она.

Марибела была крупнее Цельфия, с мощными лапами, короткими крыльями и толстым обрубком вместо хвоста. Ее черно-красная чешуя хищно блестела, и дракон особенно

остро почувствовал, что на его коже ясно видны тяготы долгого путешествия, да и присущий ему от рождения грязновато-коричневый цвет солидности не добавлял. На морде Марибелы виднелись следы от сабельных ударов, правый клык был наполовину обломан, а в желтых глазах сверкала ярость чистокровного пентегского дракона.

Цельфий торопливо поджал хвост и расправил крылья. Хорошо хоть их ему не надо стыдиться.

– Я пришел тебя проведать, – пробормотал он. – Узнать, как дела. Что тут поделываешь?

– Откуда узнал, что я здесь? – хищно оскалилась Марибела. – Я без вывесок работаю.

– Предположил, – солгал дракон. – Твоя репутация хорошо известна.

– Как и твоя, – довольно фыркнула дракониха. – Только ты, Цельфий, и мог спросить, что я тут делаю. Ни одному нормальному дракону такое в голову не придет. Жертву сторожу, конечно!

– И хорошо работается? – поинтересовался дракон.

– Не жалуюсь. – Охваченная внезапным подозрением Марибела пригнулась и забила крыльями. – А тебе зачем?

– У меня дела неважно идут, – неохотно признал Цельфий. – Думал выяснить у тебя, в чем причина.

Дракониха изумленно склонила голову на бок.

– Ты тоже работаешь?

– Да. Бизнес в последнее время никуда не годится. Может,

подскажешь, где я ошибся. Научишь.

Дракониха гордо напыжилась.

– Научу. Раз плюнуть.

И она продемонстрировала, как именно плюнуть, спалив одним выдохом широкую полосу в сочной траве.

– Спрашивай. – Марибела уперлась коротким хвостом в землю. – Только побыстрее. А то еще придет кто.

– Чем вы привлекаете клиентов? – зачастил дракон. – Как о вас узнают? Ваша обычная такса? Отдают без проблем? А то была у меня неприятность с королем Трех Королевств...

– Ты вообще о чем? – опешила дракониха.

– О бизнесе. У нас дела отвратительно идут. А у вас, – он покосился на уютную хижину в отдалении, – вроде бы полный порядок

– У кого у нас? И у вас?

– У вас с принцессой.

– У меня там принц!

– Логично, – кивнул дракон. – Гендерный баланс соблюдаете. Хотя довольно странно с точки зрения привлечения клиентов. Хотя, если делать упор исключительно на испытании мужества без затрагивания романтической нотки, можно заинтересовать многих. В том числе женатых или женщинами не интересующихся... Послушай, какой изумительный мотив!

Дракониха от удивления прожгла очередную дорожку в траве.

– Не знаю, в какие игры ты там играешь, – проворчала она. – Только никого я сюда не привлекаю. Сами лезут, как будто намазано тут чем. Ни дня отдыха. Руки-ноги устала отгрызать. Головы выдергивать надоело. Палю всех, без разбору. Чистый конвейер, ни капли удовольствия.

Цельфия прошиб холодный пот.

– Хочешь сказать, у вас тут все по-настоящему?

В желтых глазках Марибелы заворчалось подозрение, и дракон понял, что пропал.

– Ты зачем сюда притащился? – зашипела дракониха. – Ты что тут вынюхиваешь?

Дракон судорожно шарил хвостом по траве. Эх, камешек бы сюда. Тот самый, которым на скале рисовал. Глядишь, хоть на секунду бы отвлек Марибелу. Секунды бы ему хватило...

– Цельфи, что здесь происходит?

В звонком голосе девы не было страха, только любопытство и естественная осторожность. Она вышла из провала, спокойная как всегда, с легким любопытством поглядывая на Марибелу.

Дракониха от неожиданности подпрыгнула. Земля содрогнулась, и дева попятилась. Марибела растопырила крылья, изогнула шею и зашипела как разозленная курица. Как очень большая курица. И очень разозленная.

– Что вам нужно? – воскликнула побледневшая дева. – Цельфи, в чем дело?

Дракон деликатно стукнул кончиком хвоста по крылу Марибелы.

– Прощу тебя. Она со мной.

В горле драконихи что-то удивленно булькнуло. Шипение прекратилось.

– Ты идиот? – Она оскалила желтые клыки. – Ты чего разговариваешь? Это же человек!

– Разумеется, человек, – раздраженно сказала дева. – И не смейте обзывать Цельфи идиотом.

Что сейчас будет, с испугом подумал дракон.

– Ты предатель! Как ты посмел открыться человеку? – заверещала Марибела.

Из ее ноздрей засочился дымок, и тут Цельфий испугался по-настоящему. Когда у пентегского дракона из ноздрей сочится дым...

– Убегай немедленно! – крикнул он деве. – Уходи!

Слава Пентегу она послушалась и молча побежала к провалу к скале. Но Марибела не зевала. С проворством, удивительным для такой грузной туши, она кинулась за девой и преградила ей путь. Гребешок на затылке драконихи приподнялся, на глаза наползла защитная пелена. Дева застыла на месте, закрывшись рукой от огненного чудища. Жалкий жест. Как будто от такого можно чем-то закрыться.

У нее есть полсекунды, осознал дракон. Полсекунды жизни до того, как она станет кучкой пепла. Даже меньше – пылинкой, потому что после атаки первоклассного пентегского

дракона от жертвы не остается обычно и кучки пепла.

А Марибела, в отличие от него, была первоклассным драконом.

Но Цельфий тоже умел двигаться быстро. Даже быстрее, чем сама Марибела, а страх за деву превратил его в то, чем он никогда не был. В разъяренное чудовище. Серо-коричневая молния мелькнула перед Марибелой, и знаменитые полсекунды перед атакой пентегского дракона показались ей не мигом – вечностью.

В которой она проиграла.

Дракон дыхнул. Из пасти его с оглушительным ревом вырвалось пламя, которого до сих пор не видели эти горы. Пламя на миг скрыло дракониху. Дева привычно отвернула глаза, хотя необходимости в этом не было. Когда пламя растаяло в воздухе, на зеленую траву медленно опускались редкие хлопья пепла.

– Ничего себе, – уважительно присвистнула дева. – У тебя такое в первый раз. Я думала, хоть хвост да останется.

Дракон ошеломленно смотрел на останки некогда грозной Марибелы. Она считалась лучшей и вот повержена в прах одним его вздохом. Об этом стоило поразмыслить.

Об этом обязательно стоило поразмыслить.

– Идем? – спросила дева. – Ты успел выяснить их секрет?

Дракон кивнул.

– Никакого секрета нет. Дракон настоящий. И пленник тоже.

Дева в ужасе перевела взгляд на уютную хижину.

– Там действительно кто-то заперт? Варварство какое!

И они наперегонки пустились к хижине.

У самого дома дракон немного поотстал. В конце концов, он свою миссию выполнил. Роль героя-освободителя подошла деве гораздо больше.

Дева была с ним полностью согласна. Ударом ноги она сбила большой замок, пнула дверь и громко крикнула в душистый полумрак:

– Выходи! Ты свободна!

– Лучше не заходи туда, – посоветовал дракон, но дева и без напоминания благоразумно задержалась на пороге.

С минуту ничего не происходило. Потом из полумрака донеслось испуганное:

– Вы кто?

Дева прокашлялась и солидно сказала:

– Твои спасители, прекрасная принцесса.

Отступая в надежную тень, дракон позволил себе усмешку. Хорошенький сюрприз поджидает сейчас деву. Впрочем, и несчастного пленника тоже.

Раздались тяжелые шаги, и на свет из полумрака шагнула фигура. Дева растерянно захлопала ресницами.

Пленник Марибелы оказался на удивление красив. Королевская стать и горделивая осанка, длинные волосы цвета воронова крыла, ярко-синие глаза блестят на смуглом лице,

рот, словно созданный для поцелуев...

Дракон не умел читать мысли, но не сомневался, что дева тоже подумала о поцелуях. По крайней мере, она покраснела, что было для нее совершенно несвойственно.

Красавец пленник выскочил на крыльцо.

– О неужели правда то, что я вижу, и монстр, превративший мою жизнь в кошмар, наконец избавил мир от своего ужасающего присутствия...

– Вообще-то Марибела была далеко не так страшна, – обиженно заметил дракон. – Она просто делала свою работу.

Принц не согласился.

– О, невероятно страшна. Можешь мне поверить, неведомый зверь, обладающий чудным даром человеческой речи. Должен ли я и тебя поблагодарить за глоток свободы, внезапно дарованный мне?

Принц закатил глаза и сделал глубокий вздох. Дракон и дева переглянулись.

– Должен, должен, – ворчливо сказала она. – Если бы не Цельфи, я давно бы головешкой стала. Да и тебе бы так не повезло.

Принц развернулся к деве и протянул обе руки.

– О, моя прекрасная спасительница! Прости, что я увлекся собственным нежданым счастьем и не поблагодарил тебя за храбрость, невероятную и тем более удивительную в таком хрупком и изящном...

Дева скорчила гримаску. Принц проглотил остаток фразы

и вытаращил глаза, как будто только что по-настоящему разглядел деву. Он опустился перед ней на одно колено и прильнул губами к ее ручке. Дева снова запунцовела, а дракон подумал, что никогда она еще не была так хороша, как сейчас. И грубая мужская одежда ее не портила. И вообще пара была отличная, даже на драконий взгляд.

– Позвольте узнать ваше имя, моя чаровница! – воскликнул принц. – Я буду засыпать с ним на устах и просыпаться с ним. На каждом перекрестке я буду кричать его, и в каждой таверне стану повторять его, чтобы во все уголки нашего мира проникло оно...

Это он зря, подумал дракон. Деве это не понравится.

– Не надо ничего нигде кричать, – нахмурилась она и убрала руку. – Спасли и спасли. Это и не я совсем. А он, Цельфий.

Дева кивнула на растроганного и забывшего об осторожности дракона, который высунул морду из тени и умиленно моргал.

– Чудовище! – пискнул принц и рухнул к ногам девы.

Она осторожно потрогала его носком сапога.

– И что нам теперь с ним делать?

Принца унесли с поляны и положили на чахлую травку. Дзуруб, ожидавший увидеть еще одну принцессу, был явно разочарован. Зато пегая подошла и с интересом принялась к роскошному плащу красавца.

– Отойди! – прикрикнула дева. – Видишь, человек без сознания.

Пегая отошла. Но перед тем, как отойти, изловчилась и легонько пнула принца прямо в бок. Дева замахнулась на нахалку, но принц ойкнул и сел. Обвел бодрым взглядом всю группу, вздохнул и молодцевато вскочил на ноги.

– Что это было? – нахмурилась дева.

– О, это привычка, – пояснил принц смущенно. – Если бы вы прожили столько времени в опасной близости от пентегского дракона, вы бы меня поняли, моя прекрасная спасительница...

– Я понимаю, – лаконично сказала дева. – Но не все драконы одинаковы. Мой вполне... миролюбивый.

Дракон вспомнил кучку хлопьев, оставшуюся от Марибеллы, и подумал, что запинку легко объяснить.

– О, теперь я вижу свою ошибку и благословляю тот день, когда моей прекрасной спасительнице пришла в голову мысль избавить мир от одного чудища с помощью другого... – Тут принц опасливо покосился на дракона. – Более миролюбивого. О, если бы только вы могли заглянуть в мое сердце и увидеть, как полнится оно благодарностью...

– Мы все видим, – перебила дева. – Давай обсудим планы. Ты сам откуда?

Принц устремил мечтательный взгляд в небеса.

– Родом я из Страны Дивного Озера, что лежит за Долиной Поникших Тюльпанов среди Танцующих Гор, лицезреть

которые возможно лишь...

Дзуруб выпучил глаза. Дева и дракон обменялись понимающими взглядами.

– Не знаю такого, – отрезала дева и схватила дракона за крыло, приноравливаясь залезть ему на спину. – Дорогу сам найдешь?

Принц утратил мечтательный вид.

– Н-нет. Разве вы меня не проводите?

– Не проводим, – нелюбезно сказала дева, устраиваясь поудобнее на спине дракона. – Может, ты?

Она повернулась к Дзурубу, но тот развел руками.

– Я же в Сигмеон, мне надо себя устраивать, какие тут проводы, ты что...

– Пожалуйста! – взмолился принц. – Я заплачу.

Дракон, приподнявший было крылья, опустил их обратно. Дева не шевелилась.

– Я владею несметными сокровищами, – кстати добавил принц. – Как только проникнем в заветную долину, я просыплю на ваши головы водопад благоденствий, ведь если бы не вы, я бы до сих пор гнил пленником...

Дева предупреждающе вскинула руку, и принц захлебнулся концом предложения.

– Тогда я согласен, разве я против тогда? Кто ж от хорошего заработка отказывается, только не я, – забубнил Дзуруб, но принц смотрел только на деву. Вернее, на ее колени, свисающие с серого чешуйчатого бока.

– В башне все равно делать нечего, – тихо сказала она. – Как думаешь, Цельфи?

Дракон думал о винограде и голове принца Астургласа, под которой сбережений осталось всего ничего. А здесь предлагали работу. Непривычную, но все-таки работу, за которую заплатят. В их ли положении отказываться?

– Я знаю, ты не любишь надолго отлучаться от дома, – продолжала дева. – Но мы быстро. Ты за сколько весь мир облетишь? Неделю максимум.

Дракон еле заметно кивнул. Неделю можно и потерпеть. Никто не ожидал, что неделя эта затянется так надолго.

7. «Талисман»

Генерал Хос Онериос возвращался с войны в препаришивом настроении. А ведь как хорошо начиналось. Войско король Трех Королевств собрал отменное, повод для нападения выдумал – не подкопаешься. Бросайся как истинный воин в гущу битвы и улучшай благосостояние, насколько совесть позволяет. Редко когда Хос Онериос вязывался в драку на таких выгодных условиях. Но кто бы мог подумать – не заладилось, и все тут. Даже сабля заветная не помогла.

Точнее, в ней, в сабле, и крылась проблема. Во время сражения произошла с Хосом досадная неприятность. Его сабля – именная, наградная, дорогая – разлетелась на куски, когда он не подумав рубанул с размаху по доспехам противника. А противником был шлезиянский наемник, и каждому, кто мало мальски сведущ в военном деле, известно, что доспехи шлезиянцев с размаху не разрубить. Хос Онериос военную науку знал и в теории, и в практике, но поди ж ты, в пылу битвы увлекся и позабыл. Уж больно красивая брошка блестяла на шлеме у наемника, не хотелось упустить. За то и поплатился, оставшись не только без памятной награды, но и без единственного средства защиты. Чтобы выпутаться из досадной ситуации, пришлось совершить поступок, несовместимый с честью боевого генерала и прямо противопоказанный его кошельку. Потому что когда королю доложили,

что Хос Онериос удрал в разгар сражения, он и слушать не захотел никаких оправданий. Лишил Хоса заслуженного жалования и поклялся, что больше никогда не позовет его под свои знамена.

Драконий хвост с ними, со знаменами. Для благородного вояки вроде Хоса Онериоса всегда найдется работенка не в Трех Королевствах, так за их пределами, не на этой стороне, так на той. А вот денег было жаль до слез. До родового гнезда Онериосов без средств не доберешься, далековато. Чтобы разжиться хоть каким капиталом, Хос задешево продал своего верного боевого коня и два дня топал пешком.

Позор необыкновенный, да и жуть как непривычно. Хос Онериос с детства на лошади и спал, и ел, и все остальное, так что с ходьбой у него не ладилось. Хорошо еще, на границе ему повезло. Не успел он отряхнуть с ног пыль Трех Королевств, как увидел у обочины коня. Чудный был конь – белоснежный, пышногривый и явно ничейный. Ни уздечки, ни седла на нем заметно не было. Кражи Хос Онериос осуждал решительно и бесповоротно, но кража – одно дело, а экспроприация добра во время военных действий и во благо уставшего солдата – совсем другое.

Генерал окинул орлиным взором тракт. Военных действий не наблюдалось, разве что пчелы жужжали в траве, да конь с аппетитом хрупал челюстями. Но если подумать хорошенько, недалеко отсюда воюет король Трех Королевств. И не только он. Где-то еще идет война. Льется кровь. Гиб-

нут солдаты. А, значит, на этого коня он имеет полное право. Генерал Хос приосанился, преисполненный гордости за свою профессию, и бочком, бочком, тихонечко стал подкрадываться к ничего не подозревающему животному.

Следующие несколько минут были полны напряженной борьбы, отчаянного ржания и отборных солдатских ругательств. Конь явно не знал, что благородного боевого генерала даже ударом копыта не остановить. Вскоре один из противников потерял свободу, а второй обрел средство передвижения, а с ним и достоинство, свойственной всем Онериосам.

В первом же селении по тракту Хос Онериос купил седло и сбрую. Конь воспринял насилие над собой спокойно, лишь изредка косил на генерала недовольным глазом. В седле было куда как приятнее путешествовать, да и размышлялось лучше. Генерал Хос обдумывал дальнейший план действий. Без сабли он не боец, а без своей – особенно. Много оружия перепробовал на своем веку Хос Онериос с тех пор, как научился ходить, но такого у него не было. Его старая сабля так ловко ложилась в ладонь, будто срасталась с ней и потому не знала ни усталости, ни осечек. Найти вторую такую будет нелегко, но очень нужно.

Хос Онериос вытащил обломок сабли из-за пазухи. Хвала драконам, там сохранилось клеймо мастера. Жегалик из Кириона. Неблизкий путь и в противоположную сторону от

родового замка Онериосов, но зато прямо по тракту. Дорога ровная, утоптанная, для такого ладного коня пара дней хорошего галопа. Онериосы подождут.

Тем более что дома совсем не приветствовались истории поражений. Как боевых, так и финансовых.

Насчет пары дней генерал промахнулся. Его красавец конь, которого он все думал, как назвать, – то ли Белоснежный Вихрь, то ли Белогривый Ветер, не хотел иметь ничего общего ни с ветром, ни с вихрем, ни даже с четвероногой крестьянской скотиной, которая послушно тянула телегу с сыром и обогнала их по дороге. Белый конь попросту не знал, что такое галоп, а также рысь, трусца, аллюр. Он наотрез отказывался брать на себя почетную роль боевого скакуна и брел, понунив голову и оживляясь лишь при виде чахлого придорожного кустика.

Кустики встречались нечасто, а в остальном, что бы Хос Онериос ни делал, толку было всего ничего. Хос его шпорами, а конь только ушами прядет. Хос его уздечкой, а конь фыркает. Хос его плеткой огрел, а он как взбрыкнет задом. Генерал чуть из седла не вылетел и больше таких опытов не повторял. Он покорился судьбе.

Судьба привела его в Кирион не через два дня, а через десять. Да и то случайно. Хос хотел проехать прямо – думал, что до города не меньше трех лиг. Но конь ехать прямо не

хотел, и на этот раз победил, как обладатель большего количества ног. На ругательства Хос Онериос не поспешил, да только парочка из них застряла у него в глотке, когда он осознал, что стоит у ворот Кириона.

В городе Хос далеко не поехал, остановился в первом попавшемся трактире под названием «Радужная Бочка», где пухлощекая хозяйка обещала уютную комнату, завтрак и корм для коня по одной цене. Трактир был симпатичный и чистенький, совсем как его хозяйка, вся состоявшая из выпуклостей, ямочек и улыбок. Единственное, что не вписывалось в интерьер и атмосферу уюта, это оружие на стене за стойкой. И оружием то назвать это можно было с большой натяжкой, так, две ржавые сабельки, погнутый щит и обломок копья. Оскорбление для настоящего воина, а не оружие. Зачем оно тут? Какая-нибудь вышивка, пара цветочных горшков, большая тарелка над бочкой пива – это еще куда ни шло, но оружие...

Хмурая плоскостопая служанка поставила перед Хосом густое рагу.

– Хозяйка сама готовила, – буркнула она.

Хос вспомнил пышные формы хозяйки и съел первую ложку с большим аппетитом. Рагу оказалось пальчики оближешь. Впрочем, испытанному бойцу не до привередливости: во время войны что украдешь, тем и сыт.

Хос ел и думал о хозяйке все с большей теплотой. По-

нимающая женщина, побольше бы таких. Знает, что нужно уставшему генералу после тяжелой дороги...

– Вы поосторожнее, – пробурчала служанка, тыкая тряпкой в лужу на столе. – Она в еду приворотное зелье сыпет.

Генерал немедленно отложил ложку в сторону. Приворотное зелье? Щепотка соли не помешала бы, а зелье то зачем?

– Она мужа себе ищет. Каждому солдату тут в рагу зелье сыпет.

– Я генерал, – оскорбился Хос.

– Генералам двойную порцию. Потому что они твердокаменные и очень ей нравятся. А без зелья ее не берут.

Хос с тоской вдохнул аромат рагу. Интересно, почему не берут. Красивая женщина и готовит вкусно. Сам он не из семейных, ему воинская слава дороже. А другие с радостью ухватились бы.

– Мрут у нее мужья, как мухи. – Служанка кивнула на выставку оружия за стойкой. – Четверых уже пережила. Вон, памятки хранит. Щит от капитана Прото, сабля полковника Бертолеуса, вторая осталась после этого замухрышки, капрала Обла. Копье от генерала, как его звали, и не упомяну уже. Очень видный был мужчина. А закончил как все. В могиле!

Служанка вытаращила глаза, но Хос Онериос лишь недовольно скривился. Чтобы пронять его, требовалось нечто по сильнее страшной истории. Или пышных форм.

– Я поем в городе, – сказал он, вставая. – Рагу отдай моему коню. Может, бежать будет резвее.

К мастеру Жегалику Хос пошел пешком. Шика в этом было немного, зато как хорошо идти туда, куда нужно, и попасть туда, куда хочешь, без проволочек.

Дом у Жегалика был красивый, с маленькой мастерской с одной стороны и большой торговой лавкой с другой. Мастера Хос Онериос нашел в лавке. Жегалик стоял у дверей, пузатый и солидный, пальцы в диамантах, плащ расшит золотой нитью. Торговля явно шла неплохо. А за его спиной – о драконий хвост – висели сабли, пики, мечи, щиты, копья – все, что только может в кузне родиться и на поле битвы сгодиться.

– Проходите, выбирайте, господин воин, – сдобно проговорил Жегалик. – У меня найдется все, что нужно.

Хос Онериос показал обломок сабли. Жегалик заулыбался, закивал и вывалил на прилавок целую дюжину. Хос оживился, но ненадолго. Ни одна сабля не годилась. Ни одна не ложилась в руку и не придавала сил. Хос Онериос все перепробовал, и ни одна ему не понравилась. Жегалик упорно делал вид, что особенные качества старой сабли привиделись Хосу в горячке боя, но генерал ткнул ему в руку обломок, и Жегалик замялся.

– Если по правде, эти сабли куют не у меня, – наконец признал он. – Я беру их у Тона кузнеца, с хорошей скидкой. Так и торгуем. У него хорошая работа, у меня – имя на весь Кирион известное.

Жегалик довольно постучал по клейму.

– Может, что другое возьмете?

Но Хос Онериос уже выбежал из лавки.

Первый пробежавший мимо мальчишка сказал Хосу, где живет Тон кузнец. Идти было недалеко. Лавка у Тона была поменьше, зато кузница побольше, с горнилами, молотами и кучей угля – все как на картинке. Но сам Тон, приземистый и хваткий, покачал головой.

– Это не мое. Я их у перекупщика беру. Клейма стираю и дальше продаю.

Хос окинул кузницу выразительным взглядом.

– Производство нынче не выгодно, – вздохнул Тон. – А мне надо думать о семье.

Перекупщика Хос Онеориос нашел на городской ярмарке. Разговор получился не сразу. Перекупщик прикидывался скромным торговцем домашними пирожками и вовсю отрицал, что перепродает сабли. Но где ему было противостоять красноречию боевого генерала и его кулакам! Закипая от ярости, помноженной на голод и усталость, Хос Онериос зашагал на окраину города, где жил настоящий мастер.

Дубок ютился в грязной хижине за городской стеной, и его кровать от кузнечного горна отделяла лишь замызганная занавеска. Здесь работа шла – теплились угли, пахло кале-

НЫМ ЖЕЛЕЗОМ.

С замиранием сердца Хос вытащил обломок сабли.

– Моя работа, – кивнул Дубок. – Хорошо идут.

Хос Онериос с облегчением выдохнул.

– Сделаешь мне такую? Хорошо заплачу.

Дубок кивнул.

– Можно сделать. Хотя...

Он покачал головой и вернул Хосу обломок сабли.

– Точно такую не сделаю. Это не я ковал, а мой подмастерье.

– Так пусть он сделает! – рявкнул Хос Онериос.

– Нельзя, – почесал в затылке Дубок. – Я его выгнал. Две только сабли и выковал. Коваль из него никудышный был, и на вид не из наших. Высокий, тощий, одни кости. Как только молотом ворочал. И глаза горят страшно, черные такие. Нелюдские глаза. Я его и выгнал.

– За глаза? – нахмурился Хос.

– Неужто не смекаете, господин? Не за глаза, а за ворожба. – Дубок перешел на шепот. – Где это видано, чтобы оружие заколдовывать?

Хос Онериос медленно провел пальцем по обломку. Сталь потеплела, отвечая на прикосновение. Так вот в чем дело. В колдовстве.

– В житейских делах это куда ни шло, – бубнил Дубок. – Приворот сделать или еще что, а сабли не тронь! Обернется против тебя в бою, пропадешь! Я потому его взашей прогнал,

негоже в нашем деле...

Смутно подумалось Хосу Онериос про невежество, недостаток образования и отсутствие коммерческого чутья, но впадать в философию было не в его привычках, да и не с руки. Однако что-то не давало ему покоя...

– Две, говоришь, сабли было, – вспомнил Хос. – Не знаешь, кому вторая досталась?

Дубок призадумался.

– Проезжал тут один. От горшка два вершка, а туда же, воюет. Только и болтал о том, что пока капрал, но до генерала обязательно дослужится.

С такой саблей дослужится, мрачно подумал Хос Онериос.

– Только ничего у него с генеральством не вышло, – хихикнул Дубок. – Говорю же, до добра заколдованная сабля не доведет. Года не прошло, как помер. У нас тут в городе. Хоронили пышно, и вдова так убивалась, так убивалась...

Хос Онериос застыл.

– Не помнишь, что за вдова? Пухлая, постоялый двор содержит?

– Я на чужих вдов не заглядываюсь, – с достоинством ответил Дубок. – Постоялый двор у самых ворот. Не промахнетесь. А если насчет сабельки, я сам сделаю, не хуже...

Но Хос не слушал. Он бежал к трактиру, не чуя ног. Как там сказала служанка? Замухрышка капрал...

С боевым кличем влетел генерал Хос в трактир, сорвал первую саблю со стены, рубанул ею воздух. Пусто. Лишь хозяйка покрывшись ямочками и улыбками зашептала:

– Вы такой страстный...

Вторую саблю Хос снимал трясущимися руками. Она – не она, она – не она... Она! Сталь привычно затеплилась, а рукоятка слилась с пальцами, призывая к бою.

– Вы мне с первого взгляда понравились, генерал... Такие мужчины редкость...

– Сколько? – Хос Онериос взмахнул саблей перед носом влюбчивой вдовушки, и она с визгом отпрянула. – За саблю?

– Бесплатно. Вместе со мной.

Такие условия Хоса не устроили. Торговались они недолго, но яростно, и в конце каждый остался в приятном убеждении, что обманул другого. Вдовушка получила великолепного белого коня, годного разве что для украшения конюшни, а генерал Хос завладел вожаденной саблей и пешком отправился на границу с Гентурией, где по слухам затевалась новая заварушка.

8. «Кое-что о любви»

Шарлатанством в наши дни много не заработаешь. Всем подавай настоящее волшебство. Фокусы с исчезающими монетками, равно как с летающими картами, прыгающими шарами и когтями дракона больше не вызывают восторженных вздохов и желания подать бедному кудеснику на пропитание. Нет, куда там. За фокусами теперь идут в цирк, где отваливают золото за банальную иллюзию, в то время как от уличного мага требуют за грош настоящих чудес.

А магу тоже хочется кушать.

Худой согбенный мужчина в черном плаще понуро распахивал по карманам мелочевку, которая лежала перед ним на лотке бродячего торговца. Еще один бесплодный день на кирионской ярмарке. Два раза у него хотели купить смертельный сильнодействующий яд, один раз – оборотное зелье. Малолетние сорванцы потребовали, чтобы он взлетел на месте, а древняя старушка сунула ломоть хлеба и, шамкая, попросила воскресить ее горячо любимого мужа. Хлеб пришелся как нельзя кстати, и потому лишать старушку надежды было жаль. Он сослался на срок давности. Вот если бы муж умер вчера, тогда другое дело. Тогда пожалуйста. Раньше надо было обращаться, бабушка, тридцать пять лет – запредельный срок для приличного воскрешения.

Ломоть хлеба – хорошая штука, но как трехдневный гоно-

рар или единственная за это время пища не годился. Хотелось чего-то посуше, мирового признания, например, или стабильной кормежки. Причем второе предпочтительнее. А то как протянешь ноги, то и мировое признание ни к чему.

А все Чакча виноват. Не вздумай он так некстати заняться цветением, было бы что предложить местным жителям. И полетал бы, и обратное зелье сварил бы, и яд... Хотя нет, яд бы Чакча не одобрил. Да и по зелью задал бы пару вопросов.

Дракон бы пожрал этот куст с его моральными принципами. Лошадиный агент его чуть не прикончил. Он имел полное право разозлиться. Но нет, этому кусту-недомерку до причин нет дела. Заладил свое: свершилось зло, свершилось зло. А потом зацвел. В знак протеста, вот что придумал. Сроду с ним такого не было, и что с этим делать, непонятно. Отрастил себе цветочек – довольно уродливый, между прочим – и воркует над ним весь день. Ничего не говорит, в работе не помогает. Ни колдовства, ни общения. Зачем тогда его держать? Еще с этим страшненьким цветочком.хлопот с ними по горло. Поливать их приходится, беречь от солнечных лучей, от людей прятать. От людей – самое главное. Если кто прознает, что у него есть отросток велгрийского дерева, ему голову оторвут. Им обоим оторвут, вместе с цветочком. Да что там велгрийское дерево! Даже если просто прознают, что его комнатное растение болтает не хуже площадного разносчика, их выкинут из Кириона, как выкинули из четы-

рех других городов. А за Кирион нужно было держаться. До следующего города им не дойти.

Куда ни кинь, выходило печально. Не везет в жизни, что ни говори. Никогда невезение не цвело так пышно, как сейчас...

Что ж такое, тьфу, опять одно цветение в голове.

До городских ворот было недалеко. Они с Чакчей поселились в заброшенной хибаре за воротами. Там и вопросов меньше задают, и удирать проще в случае чего. А клиенты найдут, когда будет нужно. Если будет нужно.

Что кому-то будет нужно, он и сам не верил. И потому, когда его окликнула пышнотелая дама в надвинутом на лицо капюшоне, не сразу понял, что ему наконец улыбнулась удача,...

– Чакча, есть работа! – выдохнул он, вваливаясь в хибару.

Чакча, естественно, не откликнулся. Ворковал себе под нос, то есть под ветку. Цветочек разросся, на желтых лепестках появились первые прожилки.

Надо похвалить, почувствовал он.

– Можешь им гордиться. Красавец.

Наглая лесть не помогла. Чакча и листиком не шевельнул. Нужно было с другой стороны подходить.

– У нас клиентка, вдова. Богатая, сразу видно. Влюбилась без памяти, хочет приворотное зелье. Настоящее, чтоб наверняка сработало. Поможем?

Нет ответа. Он забегал по хижине.

– Первый клиент с деньгами, а ты играешь в принципиальность! Я есть хочу! Каждый день! Мне одной воды недостаточно!

Тишина.

Он плюхнулся перед горшком Чакчи на колени.

– Сам подумай, как я исправлю сделанное? Где мне теперь искать этого коня? Откуда я знаю, где его сейчас носит?

Никакой реакции.

– Ладно, – рассвирепел он. – Сам сварю. Невелика хитрость, приворотное зелье. Я такое варил, когда ты еще семечкой был!

Он выскочил из хибары, хлопнув дверью. Вслед донеслось ехидное хихиканье. Если, конечно, ему не послышалось.

Госпожа Гортензия, хозяйка трактира «Радужная Бочка», бледнела, вздыхала и таяла на глазах. Беда, что с ней приключилась, была больше свойственна девушкам юным, неопытным и романтически настроенным. По части романтического настроения госпожа Гортензия могла дать фору любой девушке, а вот юность ее, равно как и неопытность, значительно пообветшали после четырех замужеств. Несмотря на это, она влюбилась с первого взгляда, влюбилась так, как никогда в жизни, и, самое страшное, не в военного.

Ранним утром они приехали в «Радужную Бочку», эти постояльцы. Госпожа Гортензия не любила утренние часы:

и торговля идет так себе, и на лице складки от подушки никак не пройдут, но тем утром в трактир вошли трое: бледная светловолосая девчонка, паренек из простых с уродливым лицом и, ох ты ж драконьи потроха, красавец, каких и во всем свете не найдешь. Волос черный, глаз голубой, профиль точеный. На улыбку скор, росту идеального, телосложения превосходного. По одежде сразу видно, что не меньше, чем принц, на боку сабля – значит, о военной доблести имеет понятие. Ну а то, что не генерал – не самый большой недостаток. Это госпожа Гортензия ему простила сразу.

Что простить было труднее, так это то, что он столько времени проводит со своими спутниками и мало внимания обращает на ее улыбки и прочие достоинства. Нельзя сказать, чтобы он ее совсем не замечал: подаваемые ему отборные кушанья он поглощал с отменным аппетитом и каждый раз рассыпался в благодарностях золотым ручкам госпожи Гортензии. Представился однажды: Бальсиор, и госпожа Гортензия весь день летала как на крыльях, мурлыкая под нос его имя.

Но дальше дело не шло, хотя она в три дня извела на него все запасы приворотного зелья, да и его самого личным вниманием не обделяла. Даже лошадку его, пегую и невзрачную клячу, холила и лелеяла как родную. В конюшне ей почетное место отвела, чем очень обидела красавца Снежка. Пришлось ему удвоить порцию его любимой воды пополам с пивом – чтобы не сердился и перестал лягать переборку. А ко-

былке зерно носила отборное, собственноручно гриву чесала. Но этой твари, как и ее хозяину, все было безразлично.

По первости госпожа Гортензия заподозрила девчонку, его спутницу. Хоть и неясно, чем такая бледная, тощая да молчаливая может завлечь мужчину, но факт оставался фактом: с тех пор, как они поселились в «Радужной бочке» и стали проводить вечера в общем зале, посетителей заметно прибавилось, причем из числа записных щеголей Кириона, обходивших обычно заведение госпожи Гортензии десятой дорогой. А теперь чуть только смеркается, глядишь, сидят, пиво пьют и томные взгляды кидают в угол, где расположился Бальсиор с компанией. Не на Бальсиора же они, в самом деле, ходили любоваться. Значит, за этой, за тошенькой таскаться начали. Раз им нравится, то и Бальсиор мог прельститься. Разберешь их разве, этих мужчин.

В сердце госпожи Гортензии ревность влюбленной женщины боролась с предприимчивостью довольной хозяйки. Золото у щеголей водилось, а так как между Бальсиором и светловолосой девицей, похоже, все-таки ничего не было, госпожа Гортензия позволила деловому чутью взять верх. Она сгребала золотые в ящик под стойкой, посылала нежные взгляды Бальсиору и тосковала.

Он в любой момент мог уехать неизвестно куда, она точно выяснила. Специально два дня ловила у конюшни их третьего спутника, того, что попроще и поуродливее, Дзуруба, растрачивала на него улыбки и выводывала планы. Как ока-

залось, они сами толком не знали, куда двигаться дальше, но двигаться им было нужно, причем чем скорее, тем лучше. Было ясно, что Дзуруб не в восторге ни от спешки, ни от путешествия и с радостью остался бы со своей кобылкой да хоть в Кирионе, но разве ей было дело до этого замызганного неуча и его лошади, которая только раздражала Снежка и занимала его место! Главное, что Бальсиор жаждал покинуть Кирион, и, как только они с белобрысой определяют маршрут, умчится вдаль и ее сердце увезет.

Насчет Бальсиорова сердца госпожа Гортензия тоже попыталась выяснить, нет ли чего потаенного, но Дзуруб то ли не понял, о чем она, то ли слишком хорошо понял, но ничего путного не сообщил. Вроде была какая-то Марибела, но в далеком прошлом, и что-то там у них пошло прахом. Очень даже госпожа Гортензия обрадовалась этому праху. Соперницы нет. Теперь бы зелье посильнее, и можно шить свадебный наряд. У Теаны в портновской лавке отличная материя имеется, госпожа Гортензия давно на нее глаз положила. Еще бы с зельем кто помог.

Помогла госпожа Мауция, кто бы мог подумать. Чокнутая старушка, тридцать пять лет как мужа похоронила, а все болтает о том, что он скоро вернется. Но надо же, пригодилась – указала на самого настоящего колдуна, которому и воскрешение под силу, а уж приворотное зелье наверняка раз плюнуть. Тоший, страшный верзила, волосы черные, всклокоченные, одет грязно, но взгляд и точно колдовской.

Такой поможет. Обязательно поможет.

Зелье не выходило. Оно послушно булькало в котле, пускало пузырьки и пахло приятно, но цвета было неправильного и консистенции не той. Он прыгал вокруг костра, шептал заклинания, рвал на себе волосы, и без того всклокоченные – ничего не помогало. Нет, зелье безусловно сработает и вызовет в сердце объекта некое трепыхание, которое люди несведущие и неопытные легко назовут любовью. Но для того, чтобы зажечь истинное, непоколебимое чувство, страсть, о которой складывают легенды и за которую платят солидные гонорары, нужно было другое зелье.

То, которое они творили вместе с Чакчей.

Он прокрался обратно в хижину. Там было тихо. Чакча дремал, только сочно-зеленые листочки вздрагивали в такт неслышному дыханию. Отодрать бы один, да деру. На зелье хватит и про запас останется. Но Чакча разобидится, вовек не успокоишь. Пусть лучше за работу не заплатят. Так или иначе все равно пропадать.

Шлеп.

Он вздрогнул. На деревянном столе возле горшка Чакчи лежал лепесток. Желтый, с прожилками. Он затаил дыхание. Цветочек то облетает. Растет. Он утер набежавшую от умиления слезу и дрожащими пальцами подхватил желтый лепесток. Как раз то, что надо для зелья. И никаких претензий к нему – сам упал...

Страшно было принимать колдуна в своей спальне, ох как страшно. А где еще? В городе опасно, в общем зале «Радужной Бочки» глупо, а пойти к нему за ворота и опасно, и глупо. Чтоб она переступила порог жилища колдуна? Да никогда в жизни. Поэтому пришлось в полночный час открывать тайную дверцу и кому... Ох драконьи потроха, чего не сделаешь ради любви.

Колдун сверкнул глазами и плюхнул на отлакированный столик ржавый котел. Госпожа Гортензия сунула было нос под крышку, но он схватил ее за руку и оттащил в сторону. Какая у него силища, оказывается. А на вид такой тощий, неприглядный.

– Очень сильное зелье, – рявкнул колдун. – Вдохнешь, тут же влюбишься в того, на кого первого помотришь.

Госпожа Гортензия испуганно прижалась к стене. Еще не хватало влюбиться в это пугало. Хотя если бы он вдруг воспылал к ней страстью, было бы приятно. И полезно к тому же. Ручной колдун в хорошем хозяйстве всегда пригодится.

– Где гонорар? – неромантично напомнил он.

Госпожа Гортензия с вздохом полезла за пазуху.

– Здесь половина. – Она протянула ему увесистый мешочек с золотом. – Вторая половина после того, как зелье подействует.

Под недовольным взглядом колдуна – а он что думал, она за здорово живешь ему всю сумму отвалит? – госпожа Гор-

тензия схватила котел и выволокла его из комнаты. Ей не терпелось испробовать зелье в деле.

И так жизнь гадкая, а чем дальше, тем гаже становится. Дома было несладко, в пути страшно, сейчас и того хуже. Куда идти, неизвестно, к чему идти, неизвестно, дойдут ли, неизвестно. Ведомо одно – нельзя ее тут одну оставлять. Сгинет ни за что без присмотра, он себе вовек этого не простит. Бальсиор вроде младенца, хоть и весь в бархате. Цельфий существо разумное, но не человек все-таки. Польза от него невелика. Засел себе в лесу, носа в город не кажет – а куда ему, дракону то. А ведь ей каждый день забота нужна. Подлецов вокруг сколько, только успевай оборачиваться. Дева могла бы помочь, у них сразу взаимопонимание возникло. Но взаимопонимание это одно, а кобылку и почистить надо, и в стойле у нее прибраться. Будет дева это делать своими ручками? То-то же. Вот и приходится за всем самому присматривать. Не бросать же на полпути.

Злился Дзуруб, ворчал и злился, но дело делал. И за пегой ухаживал, и деву с Бальсиором мирил, и Цельфию в лес носил виноград, и госпоже Гортензии сплетни пересказывал, и служанке по хозяйству помогал. Пол подметал, чашки скреб, на рынок бегал за продуктами.

На рынке с ним и произошла история.

В «Радужной Бочке» закончились карасики, а карасиков всегда подавали по пятницам под соусом из шафрана. Со

всего города приходили на этих карасиков, никак нельзя было без них. Дзуруб и вызвался сходить. Делать все равно нечего. У пегой корма достаточно, чистоту с утра навел и свободен. Ей там и не скучно, вон какой красавец статный белогривый рядом копытцем постукивает. Деву тоже развлекать не нужно. Она к Цельфию утопала, виноград ему понесла, как только влезает в него этакая прорва.

А Бальсиор четвертый день пропадает в комнатах госпожи Гортензии, и чего ей от него нужно, вот бы понять. Хоть бы дело какое любовное затевалось. Так нет, он нарочно подкрался, подслушал разок, ничего там не происходит. Кормит она его там, это да. И все. А Бальсиор ничего, не отказывается. Понятно, оголодал на драконьих харчах, да и сейчас с золотишком у них негусто, так что госпожа Гортензия с усиленным питанием очень кстати. Он бы тоже не стал отказываться, только ему хозяйка почему-то ничего вкусного не несет. Вот и получается, что пока одни над вкусностями прохлаждаются, другим приходится по рынку шататься, карасей торговать.

Дзуруб ворчал по привычке. На самом деле ему нравилась уютная толкотня на Кирионском рынке, выкрики торговков, ароматы съестного, звон монет, танцующих на прилавке. Так бы и ходил целый день, здесь монетку сторгуешь в свою пользу, там другую, вот и прошел день с пользой. Пригодилась папашина наука, уж он бы порадовался.

Дзуруб шел между рыбных рядов, высматривая карасиков

по крупнее и размышляя, чем папаша сейчас занимается, все еще своим цирком или образумился и вернулся к почтенной профессии горшечника. Эх, и поторговал бы я с тобой, папаша, призадумался Дзуруб и чуть было не прошел мимо лучших карасиков на рынке, как вдруг услышал голос...

Он осторожно выглянул из-за угла, чтобы убедиться, не ошибся ли, и, тут же, расплывшись в кривозубой улыбке, кинулся к сухопарому черноволосому мужчине в драном плаще, который рассыпал по прилавку шарики из цветного стекла и заставлял их плясать на потеху публике.

Публика, правда, не потешалась.

Две мясистые тетki недовольно шмыгали носами и перешептывались, а щербатый пацан – и откуда у таких неуважение к истинным чудесам – на полрынка вещал о том, что шарики не сами по себе прыгают, а на веревочках подвешены. На веревочках, как же. Держи карман шире. Он то в папашинном цирке насмотрелся на всякие веревочки. Здесь чистое колдовство, аж мурашки по коже.

Дзуруб подождал на почтительном расстоянии, пока представление не закончилось. Шарики бессильной цепочкой опустились на прилавок, скучающая кучка зевак разошлась, не оставив ни монетки. Колдун с мрачным видом раскладывал шарики по карманам.

Дзуруб приблизился и срывающимся от волнения голосом проговорил:

– Господин Нитачох, вы меня помните? Я Дзуруб, с ло-

шадкой вам еще помог, а вы папаше с пивом удружили, нам бы снова ваша помощь пригодилась...

Черные брови колдуна хмуро сомкнулись. А если не вспомнит? – с запоздалым сожалением сообразил Дзуруб. Еще превратит во что-нибудь.

Но тут на изможденном лице колдуна появилась тень улыбки, и Дзуруб перевел дух.

Вспомнил.

За что так женщине не везет, не понятно. И красотой удалась, и умом взяла. Не первой молодости, правда, так другие достоинства имеются, ничуть не хуже. Одна «Радужная Бочка» чего стоит. А любви как не было, так и нет. Уж на что господин колдун колдовской был, и глазищами вращал страшно, и сам из себя пугало пугалом, и зелье сварил приятное. А Бальсиору хоть бы хны. Четыре обеда с зельем скушал и пять ужинов, и даже за ручку ни разу не взял. А как вырез на платье побольше сделала, да к нему пониже наклоняться стала, так и совсем перестал в ее сторону смотреть. Застенчивый какой выискался.

Госпожа Гортензия разозлилась и все эти обеды-ужины забесплатно прекратила. Попался бы ей этот колдун, она бы с ним поговорила. Разве можно было так женщину обнадеживать. Но колдун прятался, как чуял – на это его колдовской силы, видимо, хватало. Три дня госпожа Гортензия, наплевав на страх и здравый смысл, караулила его возле лес-

ной хибары, на которую за небольшое вознаграждение указал городской стражник. На что она рассчитывала, госпожа Гортензия и сама толком не могла сказать. Патлы его черные повыдирать было бы неплохо, задаток вернуть. А в идеале – получить новую порцию зелья. Которое по-настоящему действует.

Но колдун был хитер и не попался. Госпожа Гортензия задвинула ополовиненный котел с зельем подальше под стол. Выкинуть бы, да у какой рачительной хозяйки рука поднимется выкинуть вещь, за которую такие деньги уплачены. Куда-нибудь пристроит. Вот хоть коникам плеснет, пусть кушают. Не пропадать же добру.

Хорошо хоть ума хватило половину платы только отдать. Одинокой женщине без ума никак нельзя. Никакого счастья без ума не наживешь. А у нее, у госпожи Гортензии, еще огого сколько счастья впереди.

То, что к потенциальным клиентам нужно было идти в «Радужную Бочку», ему очень не понравилось. Мало что ли, в Кирионе постоянных дворов, так нет же, понадобилось им остановиться у госпожи Гортензии. Встречи с влюбленной хозяйкой он искренне боялся. И мысли не было, чтобы потребовать у нее вторую половину платы. Какая там вторая половина, аванс бы не отобрала.

Приворотное зелье у него все-таки не вышло. Он сообразил это, когда завидел госпожу Гортензию на подходах к

своей хижине. Если бы подействовало, она бы к нему не по-тащи́лась. Она бы слишком занята была. Помнится, одной даме варили с Чакчей приворотное зелье, так две недели не могли ее застать на улице, чтобы остаток гонорара страсти – дама из спальни не вылезала. Раз госпожа Гортензия нашла время к нему в гости наведаться, значит, дело плохо.

В тот раз он поступил по-умному. Прикрыл Чакчу большим кувшином, а сам в окно и был таков. К вечеру вернулся, госпожи Гортензии и в помине не было. Но разве с его удачей такому радоваться? Привалило теперь счастье – самому к ней тащиться нужно.

– Нам без вас не справиться, господин Нитачох, – бормотал по пути парнишка. – Мы без вас тут зазря харч проедаем и никак с места не сдвинемся, наобещали сглупу принца домой доставить, а теперь мыкаемся.

Какого принца, кто такие «мы», где это «домой», парнишка не говорил, а он не спрашивал. Чем меньше вопросов, тем больше солидности для мага, а придет время, и так все узнает. Главное, чтобы клиент не сорвался.

– Вы бы уж нам помогли, господин Нитачох, – лебезил парнишка. – Мы бы отблагодарили, последнего бы не пожалели.

Насчет последнего ему не понравилось. Последнее обычно обещали те, у кого взять было нечего. Но не ему разбирать было. На бездраконье, как говорится, и червяк дракон.

С госпожой Гортензией ему повезло. То ли по делам ушла, то ли у себя заперлась, но ни во дворе, ни в зале ее не было. Парнишка подвел его к столу в уголке, за которым сидели двое, закусывали хлебом и сыром. Один сытый и гладкий, весь в шелках, красавец – сразу понятно, для кого госпоже Гортензии приворотное зелье понадобилось. Вторая – девица, одета просто, но лицом так и сверкает. Который в шелках, его завидев, побледнел, подобрался, к стеночке прижался – правильно, настоящего мага так и надо встречать. Девица и не дрогнула. Он виду не подал, но про себя насторожился. Тертый калач, с такой не расслабишься.

Парнишка к девице наклонился, что-то зашептал. Она наморщила лилейный лобик:

– Думаешь, поможет?

Парнишка закивал, а он плечи развернул, во взгляд демонизма подпустил. Помогу, конечно. Готовьте золото.

Девица только скривилась и скучно сказала:

– Мы везем Бальсиора домой. Но не знаем, куда ехать. Он говорит, что его страна к югу за Кирионом, а за Кирионом только непроходимые болота. Вот и сидим на месте.

– О, как безмерно бы я был счастлив, если бы мог указать вам путь в этот благословенный край, где с гор сбегают звонкие ручьи, а воздух напоен благоуханьем цветов... – начал красавец.

– Завел шарманку, – посуровела девица. – Скажи, как страна называется.

– Название ее сладкозвучно и напевно, – зарделся красавец. – Целыми днями я бы мог наслаждаться музыкой ее звучания...

– Короче! – скомандовала девица.

– Элизея, – послушно выдохнул тот. – Страна Дивных Озер, поющих водопадов и розово-багряных рассветов...

Тьфу ты, искренне огорчился он, жалость какая. Должен был догадаться, что поход в логово госпожи Гортензии ничем перспективным окончиться не может.

– Ну что? – требовательно спросила девица. – Знаете, где это?

– Знаю, – вздохнул он. – Нет нигде такой страны. Сказки это все. Детские.

Пока все ругались, кричали, грозили друг другу каким-то цельфием, он времени даром не терял. Над столом склонился и как следует угостился. Хлеб был черствым, сыр – вонючим, но до изысков ли тут разве, когда живот совсем подвело.

Сыр кончился вместе с криками. Он вскочил из-за стола, как будто и не садился, но девица заметила, бровки скукожила.

– В этих сказках говорится, как попасть в Элизею?

На сытый живот ему совсем весело стало. Хорошая парочка подобралась, оба умом тронулись.

– Я жду, – напомнила девица. – Если не знаешь, так прямо и скажи.

– Почему не знаю? Знаю. На границе Королевства лес стоит, за ним река, за рекой поле, за полем стена до неба, а за стеной раскинулась страна Элизея, изобильная, счастливая, полная безмятежной радости.

– На границе какого королевства? – сухо уточнила девица.

– Какая разница? Вам все равно туда не попасть.

– Почему?

– Во-первых, это сказки, – напомнил он. – А во-вторых, чтобы через стену пройти, дракон нужен. Чистокровный, пентегский. Если у вас такой под столом не припрятан...

Он хохотнул, довольный собой – надо же, шутить научился. Но девица не оценила, не засмеялась, а посмотрела с жалостью:

– Под столом дракон не поместится. И все-таки уточни, где конкретно этот лес стоит.

Он в любую минуту ожидал от нее подлости. С того самого момента, как Гортензия согнала его с места, он понял, что ей доверять нельзя. С женщинами всегда так. На лицо вроде симпатичные, ласково посмотрят, приласкают, а потом, когда не ждешь, удар под дых. Поэтому когда она свой котел приволокла и стала в корыто его что-то лить, он сразу насторожился. Отравить решила? Опойть? Усыпить? Продать, наверное, хочет. Думает, он выпьет, успокоится, сопротивляться не будет? Не дождется! Он хоть и на четырех ногах теперь, а ум свой сохранил, человеческий. Не будет он пить

это подозрительное пойло. Не будет, и точка.

Зато его соседка – та самая, ради которой его из стойла и выгнали – выпила все свое, да и к его корыту морду жадно потянула. Что с животного возьмешь. Думает, раз вкусно, значит, полезно. Раз вкусно, значит, надо без остатка все выжрать.

Он небрежно пнул корыто, подозрительная жидкость разлилась по соломе. Пахло приятно, но его на такие штучки не поймаешь. Он не эта кляча безмозглая. Скотина. Скотина и есть. Морду к корыту тянет, тощими ножками перебирает. Не лошадь, а недоразумение, зачем такую держать то? Пойло хозяйкино лакает, аж по морде течет.

Впрочем, если присмотреться хорошенько, не все так страшно. Не всем быть статью в него. А в пегой есть свое изящество. Аккуратная такая, все что нужно и ничего лишнего. Ушки бархатные, маленькие, не ушки, а произведение искусства, а глаза... в душу заглядывают. Ни у кого в жизни таких глаз не видел, ни раньше, ни сейчас. А шкура... тонкая, нежная, мышцы под ней так и перекатываются, так и перекатываются. Вот переступила с ножки на ножку, лопаточка под нежной кожей обозначилась... весь свет обойди, нигде такой красоты не найдется.

Он шагнул поближе к ее стойлу, легонько стукнул по переборке копытом. Заметил следы от своих прежних, неистовых ударов, нанесенных в завистливой ярости, и устыдился. Кашлянул.

– Позвольте отметить один факт... – начал он и тут же осекся.

Пегая всхрапнула и попятилась.

Болван я болван, ругнулся он по себя. Напугал девушку. Разве с ней можно так себя обнаруживать. С ней надо традиционно, по лошадиному, и может быть потом, когда их внуки и правнуки табунами будут пастись на зеленых лугах, он признается, что на самом деле совсем не тот, за кого себя выдает. Но никак не раньше.

Он кашлянул еще разок и, немного сомневаясь в своей способности выражать чувства традиционно, тихонько заржал. Пегая сразу расслабилась, уши опустила. Он заржал погромче, вкладывая в незамысловатый звук весь пыл впервые испытываемой любви. Пегая пожевала губами и кокетливо фыркнула. Его сердце преисполнилось блаженством. Он не отвергнут, он может рассчитывать на взаимность!

Он потянулся к ее стойлу, но пегая игриво отступила к задней стенке, и лишь ноздри его втянули ее сногшибательный душок. Вот как должна пахнуть настоящая женщина, а не так как эти, бледные, на двух ногах.

Пегая заржала. У него сердце заколотилось. Эх, не так все должно быть, не так. Бежать бы им сейчас по зеленому лугу, через ромашки да лютики перескакивать под небесами лазоревыми, свежим воздухом захлебываться, силу чувствовать молодую, каждой жилкой, каждой поджилочкой...

Пегая призывно заржала. И дракон с ними, с жилками и

небесами, здесь тоже можно неплохо устроиться. Он взбрыкнул, пнул переборку и перемахнул к ней в стойло.

Госпожа Гортензия вышла во двор с метлой. Не годится хозяйке собственноручно двор подметать, но бывали в жизни госпожи Гортензии моменты, когда бессильную ярость стоило направить на полезное дело. Да и себя во всей красе показать не мешало: платьице сиреневое, с оборками на лифе, талию потуже перетянула, так и с любой красавицей в городе потягается. Пусть посмотрит, что он потерял.

А если в нем вдруг дрогнет что-то, то, может, и не потерял.

Госпожа Гортензия вздохнула, поправила кружевную козыночку на каштановых волосах, поухватистее за метлу взялась, да так и пошла, так пошла. Грязи во дворе не было (попробовала бы служанка грязь развести!), так что ни пылинки, ни соринки образ госпожи Гортензии не омрачили.

Пусть уезжает, раз такой бессердечный. Катится на все четыре стороны. Вспомнит, пожалеет, обратно примчится, а она уже замужем, за бравым генералом, у которого усы ух, а сабля еще больше, вот так поворот, не правда ли господин Бальсиор, где вы были раньше то? Но раз вы и правда места себе не находите, так и быть, задвину разок мужа генерала с его саблей, а если хорошо проявите себя, так и на подольше...

Госпожа Гортензия замечталась, раздумянилась и не заметила, как из «Радужной бочки» вышли постояльцы. А ко-

гда заметила, то раздумянулась еще больше. На крыльчке стоял Бальсиор, красивый как заря. Плащик через плечо алый с золотыми всполохами, сапоги из мягкой кожи до середины бедра, и откуда у него только средства на такую одежду, когда у него на обеды не хватает.

Но хорош, слов нет.

Девочка его бледная с ним. Сказал бы ей кто, что деловитость женщину не красит. Чем больше деловитости, тем меньше шарма, а без шарма мужчину не привлечешь. Госпожа Гортензия тряхнула кудряшками и только собиралась элегантно смести невидимый сор, как заметила краем глаза за широкой спиной Бальсиора то, что начисто выбило из ее головы мысли о шарме и элегантности. Перехватив метлу на манер боевого топора, она ринулась к крыльцу. Сейчас она покажет этому лживому колдуну, что значит гнев обманутой женщины!

Но негодяй оказался проворнее. Не успела госпожа Гортензия добежать до него, как он припустил по двору и юркнул в открытую дверь конюшни.

– А ну стой! – завопила госпожа Гортензия, но боевой клич застрял у нее в глотке, потому что в этот самый момент на ее руку легла рука Бальсиора.

– О, многоуважаемая госпожа хозяйка, могу ли я надеяться на миг вашего драгоценнейшего времени, чтобы обсудить с вами дело чрезвычайной для меня важности? – осведомился он.

Не чуя под собой ног, госпожа Гортензия кивнула. Неужто зелье наконец подействовало? Правда, в хрустальных глазах Бальсиора особой страсти заметно не было, но кто их знает, благородных, может, у них, чем меньше страсти в глазах, тем больше в других частях. Ее бы это вполне устроило.

– Пребывание наше под вашей благословенной крышей, к моему горчайшему сожалению, подходит к концу, о благороднейшая госпожа Гортензия. Путь нам предстоит долгий и опасный, не изобилующий средствами передвижения, и хоть мне чрезвычайно неприятно утомлять вас деловыми подробностями, которые мне самому чрезвычайно неприятны, но грубые материальные обстоятельства заставляют меня задать вам вопрос...

Госпожа Гортензия и не понимала, что он говорит. Говори, милый, говори, лишь бы голос твой медоточивый слышать.

– Давай лучше я, – хмуро сказала бледная девица. – У вас конь есть, стоит в конюшне без надобности. Мы купим, если в цене сойдемся.

– О, если сердце ваше возопит от горя при мысли о расставании с чудеснейшим скакуном вашей конюшни, мы готовы...

– Не буду я вам никого продавать, – возмутилась госпожа Гортензия. – Чем вы платить будете? Позавчера последний золотой за обед отдали.

Бальсиор растерянно заморгал. На это ему возразить было

нечего.

– Вы наши деньги не считайте, мы без вас отлично справимся, – ощерилась бледная.

– Двадцать золотых монет, – фыркнула госпожа Гортензия. – И конь ваш.

– Двадцать? За коня, который никогда не ходил под седлом?

– Что значит не ходил под седлом? Вы не знаете!

– Видно с первого взгляда. Тому, кто в лошадях разбирается.

– Что ты сама в лошадях понимаешь, нахалка!

– Явно больше вашего, – отрезала бледная.

– Никакого коня вы не получите! И точка!

Схватив метлу, госпожа Гортензия ринулась в трактир. Как отвратительно вышло, слов нет. Причем тут конь? Он бы все мог получить. И «Радужную бочку», и конюшню со всем содержимым, и множество других ценных вещей. А он коня зачем то начал торговать.

Госпожа Гортензия плюхнула метлу у входа и шмякнулась на ближайшую скамейку. Разбитое сердце и опрокинутые надежды изливались из ее глаз потоками соленых ручьев.

Уф, чуть не попался. Расслабился, бдительность потерял и чуть метлой по голове не схлопотал. Он прильнул к дверям конюшни и прислушался. Со двора доносились сердитые голоса, но, насколько он мог судить, к нему эта злость не отно-

силась, а потому можно было временно успокоиться.

Нежное ржание, полное потаенной муки и вожделения, вдруг отвлекло его от криков госпожи Гортензии. Он обернулся и тут же стыдливо опустил глаза. Этим двоим не были нужны свидетели.

Пегая кобылка перебирала копытами, а мощный белый жеребец нахраписто наскакивал на нее и явно не осознавал, что в конюшню зашел чужак. И ему не след тут оставаться. Пусть процессы природы идут своим чередом...

Пентегские драконы, это же он!

На лбу проступила испарина. Он даже за дверцу схватился, чтобы не упасть. Вот так счастье привалило. За такое можно было бы и метлой получить, да не один раз.

Он начал суетливо рыться в складках плаща, не обращая больше внимания на призывное ржание, доносящееся из угла конюшни. Где же порошок, ведь оставалась еще щепотка. Чакча в свое время настоял, чтобы порошок всегда был при нем, на случай, если подвергнется возможность исправить несправедливость. Не верил он, что придет эта возможность, но кто бы мог подумать, что в этой конюшне поджидает его окончание всех тревог и неприятностей. Теперь он все исправит, Чакча перестанет сердиться, начнет разговаривать, и, самое главное, будет снова варить для него зелья. И все наладится.

Есть.

Он нащупал тощий кисет, вытащил его неловкими паль-

цами, сыпанул содержимое на ладонь и, от радости путая слова заклинания, поспешил к жеребцу.

– Чакча, я его нашел! Я все исправил! – Вне себя от радости он влетел в хижину и кинулся к горшку Чакчи. – Я его обратно в человека обернул, я все сделал!

Он плюхнулся на пол у горшка.

– Теперь ты должен меня простить, Чакча...

– Зачем так орать? – ворчливо отозвались из горшка. – Я тебя прекрасно слышу.

– Ты со мной разговариваешь? Ты мне веришь? – Он схватил Чакчу за листок и легонько дернул. – Ах ты, шантажист зеленый.

– Не хватай меня, пожалуйста, – предупредил Чакча. – Я не совсем пришел в себя.

Только сейчас он обратил внимание, что Чакча изменился. Точнее, стал таким же, как прежде: разлапистые ветки с темно-зелеными бархатными листиками, плотная коричневая кора и ни одного намека на цветы.

– Где цветочек? – удивился он.

Чакча махнул веткой. Он посмотрел под ноги и увидел, что пол усыпан желтыми лепестками.

– Отцвел, – констатировал Чакча не без грусти.

– Мне так жаль.

– Мне тоже. Но, знаешь, я пришел к выводу, что я не создан быть ни отцом, ни матерью, – признался Чакча.

Вечер мирно опустился на лачугу. Голова его кружилась от радости и голода, но он говорил, не умолкая ни на секунду, пересказывал Чакче все, что произошло за время их разговора. И про бабушку чокнутую с покойным мужем, и про мальчишек наглых на рынке, и про госпожу Гортензию, которой так и не удалось осуществить желание сердца своего. Чакча слушал, шевелил листочками и иногда отпускал замечания, которые свидетельствовали, что он не только цветочком занимался, но и следил за тем, что творилось вокруг.

Он был почти счастлив.

Громовой стук сотряс стены лачуги. Чакча подпрыгнул вместе с горшком, а он схватился за лопату. Толку от лопаты было немного, да и с точки зрения репутации не годилось прославленному колдуну отбиваться от клиентов столь низменным способом. Но куда деваться, если последний порошок он израсходовал на того осла, то есть коня, и, значит, остались они с Чакчей без средств защиты.

Стук повторился. Чакча повелительно махнул веткой.

– Открывай!

– Кто там? – спросил он.

– Открывайте! – загрохотало за дверью. – Я знаю, что вы тут, господин Нитачох!

Он ободрился и отложил лопату. Когда его приходили бить, то господином не называли.

– Заходите, – сказал он с элегантным достоинством. – От-

крыто.

Дверь распахнулась, осыпав вошедшего древесной трухой. Он приосанился. Первое впечатление – самое важное. Но как только понял, кто перед ним, то заревел не своим голосом, позабыв и об осанке, и о впечатлении:

– Драконий хвост, тебе что еще надо?

Посетитель выглядел странно. Это был молодой мужчина, белокурый и очень красивый – госпожа Гортензия оценила бы – но запущенный до невозможности. Спутанные волосы струились до пояса, лицо было худое, грязное, местами поцарапанное. Замызганная попона, в которую он старательно кутался, составляла все его одеяние; под ней, по всей видимости, ничего не было. Тощие лодыжки и ступни, выставившиеся из-под попоны, были в жирной дорожной жиже.

– Что вы со мной сделали, господин Нитачох... – простонал незнакомец, и прозвучало в этом стоне нечто лошадиное.

– Позвольте, – заморгал он, не позволяя разгореться в сердце благородному гневу на неблагодарную скотину. – Вы первый начали. К тому же я все исправил. Вы можете вновь вернуться к своей жизни и забыть, что мы когда-то встречались.

– Что вы исправили то, господин Нитачох, – завыл белокурый. – Вы все разрушили! Я был счастлив! Я любил! Я надеялся на взаимность! Нет, я точно рассчитывал! И тут вы... в самый неподходящий момент...

Голос белокурого прервался рыданием.

– Это любовь. Настоящая! Я думал, это ерунда, только для песен и глупых девиц, а она есть, любовь, ради которой и стоит жить... Эх, да что вы понимаете!?!

– Понимаю, – сказал он без особой, впрочем, убежденности. – Но она наверняка вас ждет. Вы ее найдете. Все будет хорошо.

– Не нужно мне ее искать! – взорвался белокурый. – Я знаю, где она! Только толку нет. Сейчас она на меня и не посмотрит. Она самое прекрасное, изящное, грациозное, соблазнительное создание в мире, а я... Вы только посмотрите на меня!

Белокурый принялся в бессильной ярости хлопать себя по ляжкам. Попона скользнула вниз, и он был вынужден отвести взор. На его взгляд, жаловаться белокуруму было не на что. Но, разумеется, кто их разберет, этих женщин.

– Верните все, как было! – потребовал белокурый, подхватывая попону. – Пока она меня не забыла!

Он совсем растерялся.

– Я вернул все как было. Вы в зеркале себя видели?

Белокурый рыдал все громче. За плечом раздалось деликатное покашливание. Он склонился к Чакче.

– Ему не нравится, что ты превратил его в человека, – прошептал Чакча.

– Да ну? – изумился он. – Он хотел остаться конем?

– Хотел, – просиял белокурый и подошел ближе. В глазах его светилась надежда. – Это можно устроить?

– Ну уж нет, – занервничал он. – Ты хоть представляешь, что мне пришлось в первый раз из-за тебя пережить? Второй раз я тебя в лошадь превращать не буду.

Белокурый принялся заламывать руки.

– Тогда моя жизнь кончена! Жизнь без нее не имеет для меня смысла. А в таком виде я ей не нужен.

– Зачем же так категорично...

– Я проверял, – скорбно отозвался белокурый.

Без стеснения задрав попону, он показал белую филейную часть, крепкую и упругую, на которой багровел синяк очень неприятного вида.

– Она наградила, – благоговейно сказал белокурый. – Когда я к ней попробовал... Я не сразу сообразил, что я больше не конь. А она умница. Она просекла тут же.

Чакча тихонько захихикал.

– Спроси у него, давала ли ему госпожа Гортензия какую-нибудь еду в последнее время.

Он спросил.

– В нашем трактире хозяйка скотину не кормит коней, – с достоинством ответил белокурый. – Хотя... принесла вчера какую-то гадость, плеснула нам. Пахло так себе, скажу я вам. Все-таки каждый должен заниматься своим делом, и корм давать не хозяйское...

Его вдруг озарило.

– Чакча, думаешь, она вылила коням мое приворотное зелье?

– Вы с кем разговариваете? – насторожился белокурый.

– Но тогда он должен был влюбиться в госпожу, а не в кобылу, – продолжал он, не обращая на белокурого внимания.

– Хозяйка захотела меня приворожить? – испугался тот. – Страшная женщина. Но я ничего не пил. Запах мне не понравился. Все она выпила. Дорогая моя...

Белокурый умильно улыбнулся, отдаваясь сладким воспоминаниям.

– Я как раз тогда и заметил, какие у нее глаза... А шея...

Белокурого сладострастно передернуло, а Чакча снова выразительно закашлялся.

– Ты что в зелье добавил?

– Лепесток взял, который у цветочка упал, – неохотно признался он.

Чакча закрылся листьями и затрясся в хохоте.

– Нет, вы все-таки с кем-то разговариваете, – нахмурился белокурый и вдруг заметил. – Ой. У вас куст дергается.

Он перепугался, но Чакча, позабыв об осторожности, тряхнул листьями и с достоинством поправил:

– Я не куст. А у моих цветков особое свойство. Если заварить на них приворотное зелье, то действует оно не так, как обычное. Все влюбляются в того, кто это зелье пьет.

– Кто бы мог подумать, – искренне огорчился он. – Значит, госпожа Гортензия должна была сама выпить это зелье, а не скармливать его своему красавчику.

– Зато в него наверняка влюбилась половина города, –

подтвердил Чакча.

– Но хоть не весь?

– Не весь, – согласился Чакча. – На кого-то зелье не действует. Всегда находятся исключения. Но учти, противоядия нет. Если подействовало, то на века.

Он уставился на белокурого, который с детским изумлением рассматривал Чакчу. Дрянь человечешко, конечно, но вечные муки неразделенной любви не заслуживал даже страховой агент.

– Надо что-то сделать, – вздохнул он. – Придумаешь?

Чакча пошевелил листиками.

– Попробую.

Горько было так, хоть волком вой. Но вой – не вой, легче не станет, а вот бизнесу повредит. Госпожа Гортензия украдкой ополоснула под прилавком лицо брагой – старинный матушкин рецепт – и повернула к клиентам в зале сияющую улыбку. Клиентов было много, но настроение, вопреки обычаю, царило похоронное. Быстро по Кириону разлетелась весть об отъезде гостей из «Радужной бочки», и в таверну потянулись страдающие обоих полов.

Для бизнеса похоронное настроение было самое то. Под него матушкина брага расходилась отлично, и госпожа Гортензия уже распорядилась прикатить две дополнительные бочки. Но радостней ей от этого не становилось. Бальсиор, отрада очей, без зазрения совести оплатил счет и уехал.

Счет, правда, оплатил не он, а парнишка Дзуруб, да не звонкой монетой, а своим трудом. Но дело не в том. А в том, что уехал красавец Бальсиор окончательно и бесповоротно, и сердце ее разорвется от тоски. И колдун зловредный ушел безнаказанным. Госпожа Гортензия уточнила: ушел, и следа от него не осталось, одна лопата в его жалкой лачуге, да и ту страшно трогать.

Госпожа Гортензия воровато оглянулась, склонилась под прилавок, зачерпнула матушкиной браги, выпила. Негодование как рукой сняло, но от любви тоскующей аж в носу защипало. Никогда, никогда еще не было ей так больно. Никогда, никогда не оправится она от этой ужасной раны.

– Госпожа! Госпожа Гортензия! Беда у нас! – Круглое лицо служанки замельтешило перед госпожой Гортензией. – Идите, посмотрите!

Следом за перепуганной служанкой госпожа Гортензия побежала и прибежала в конюшню. Пегой не было – сердце екнуло, но дело понятное, Бальсиор уже собрался. Но и второе стойло, где красовался Снежок, тоже пустовало.

– Свели! – причитала служанка. – Свели коника!

– Быть не может! – ахнула госпожа Гортензия и, не тратя зря сил, побежала к городским воротам.

Успела еле-еле – путников было почти не различить. Но что надо, госпожа Гортензия увидела. Впереди, на пегой, восседал Бальсиор. Девица и Дзуруб вышагивали следом. А последним, на некотором расстоянии, как будто и не с ними

совсем, крался ее Снежок.

Всхлипнула госпожа Гортензия, кулаки стиснула. Крикнуть захотела, но не смогла, только глядела неотрывно на бальсиоров плащ бархатный, яркий, издали заметный. И впервые сердце ее не колыхнулось ни трепетным вожделением, ни страданием тоскливым. Ничего ее в сердце больше не было, только злоба на конокрада разоряженного, чтоб его дракон пожрал.

Чувствуя странное облегчение, побрела госпожа Гортензия обратно к «Радужной бочке». Солнышко припекало, чистенькие домики Кириона радовали глаз, прохожий – весьма представительный, с усами – глянул на нее и крякнул одобрительно. В пышной груди госпожи Гортензии разлилось смутное предчувствие будущего необъятного счастья, и так же смутно ей подумалось: а ну его, коника.

9. «Пролог»

До границы королевства добрались быстро. За границей, как и сказал колдун, был лес, за лесом река, за рекой поле, а вот стены не было, не было никакой стены за полем, только в высшей степени унылая местность с кочками, проплешинами, чахлыми кустиками, но только не стена.

Парнишка вытаращился удивленно и забормотал:

– Эх оно вышло, а ведь господин Нитачох предупреждал, что сказки, а вы не поверили, так что сами виноваты...

К его бормотанию никто не прислушивался. Принц шлепнулся на землю, не забыв, впрочем, подстелить бархатный плащик, и деликатно лил жемчужные слезы. Дева хмурилась, оглядывая бескрайнее болото без малейшего намека на стены.

– Неужели мне не суждено вновь вдохнуть сладостный воздух родины... – причитал принц.

– Чего потащились неизвестно куда, в Кирионе как хорошо жилось, хозяйка не обижала, и город приятный, может, и вернуться стоит... – бурчал парнишка.

– Что скажешь, Цельфий? – спросила дева. – Мы дорогой случайно не ошиблись?

Дракон не ответил. Как и остальные, он не сводил глаз с болота, но ни злости, ни отчаяния, ни даже разочарования не было заметно на его чешуйчатой морде. Не просто смотрел

он, а жадно всматривался во что-то, видимое ему одному, и принюхивался, и причмокивал, и ноздри его широкие чуть подрагивали от напряжения.

– Цельфи, – позвала дева.

Дракон снова не откликнулся.

– О, как же мне попасть в беззаботный радующий сердце край, породивший меня...

– А если что, можно и в цирк к папаше моему податься, почему бы и нет, дракону там обрадуются, еще как, и остальным работенка найдется...

– Замолчите! – рассердилась дева. – Подумать не даете.

– Чего тут думать? – удивился парнишка. – Обрато поворачивать надо, принц наш тронулся малость, вот и пригрезило ему невесть что, оставим его у госпожи Гортензии, она позаботится.

– Я не хочу к ней. Я домой хочу, – капризно всхлипнул принц.

– Обрато поворачивать не будем, – отрезала дева. – У Цельфи что-то на уме.

Что было у дракона на уме, неизвестно, но сам он был на брюхе, распластал широкие крылья, стал неотличим от грязноватой серо-коричневой земли.

– Садитесь, – пригласил дракон настойчиво. – Надо кое-что проверить.

Дева молча вскарабкалась на бугристую спину и схватилась за шею у самой головы.

– Я безмерно благодарен вам за ваши старания и веру, но к чему утруждать себя дальше? – вздохнул принц. – Все попытки достичь моего дома бесплодны, как пустыня, простирающаяся перед нами. Не лучше ль оставить всякую надежду и бестрепетно ожидать конца...

– Не лучше, – рявкнула дева. – Кому сказала, садись.

Принц проворно полез по крутому боку. Каблуки на его сапогах неприятно царапали чешую, но дракон сдержался, промолчал.

– Дзуруб, – позвала дева. – Ты долго еще?

Парнишка топтался у самого кончика крыла и устраиваться на драконе не торопился.

– А пегая как же, не оставлять же ее здесь, пропадет без нас... – Он обернулся на лесок, оставшийся позади. Из леска доносилось задорное ржание на два голоса.

– Лошадей не повезу, – быстро сказал дракон. – У меня нежная кожа.

– Снежок за ней присмотрит, – сказала дева.

– Присмотрит он, как же, только и умеет, что лягаться и кусаться, потащился за нами на мою голову...

– Не ревнуй, – строго оборвала дева. – Или с ними оставайся, или с нами летим.

Парнишка переступил с ноги на ногу, кинул последний тоскливый взгляд в сторону ржания и запрыгнул на дракона.

Взлетели на удивление легко.

Дева сидела красиво и непринужденно, как будто отдыхала за чашечкой чая в своей башне, и никакой принц в бархатном плаще не вопил, вцепившись в ее пояс. Принц сидел с закрытыми глазами и орал. Парнишка сидел с открытыми глазами и молчал. Дракон набирал высоту и скорость.

Все выше и быстрее, быстрее и выше, крылья хлопают, ветер свистит в ушах, принц орет, демонстрируя завидную крепость глотки, парнишка помалкивает, бескрайнее болото по-прежнему бескрайне простирается внизу.

– Цельфи, – позвала дева, – в чем дело? Мы на месте стоим.

– Как на месте? – пискнул принц.

– Вон же лес под нами, сам бы увидел, если бы не орал, – проворчал парнишка.

– Цельфи, – сказала дева, и на этот раз с тревогой. – Ты в порядке? Давай заканчивать...

Удар. Будто они с размаху налетели на стену, проломили ее, вывалились куда-то в никуда, в пустоту, в пропасть. Дева ойкнула, принц завизжал, парнишка потерял равновесие и полетел вниз, но был вовремя подхвачен за пояс хвостом.

– Смотрите, – ахнула дева. – Болото пропало.

Пропало, надо сказать, не только болото. Ни кочек, ни кустиков, ни тумана, ни, главное, леса, где ржали, видно не было. Вместо них расстилалась под драконьими крыльями лучезарная долина из тех, о которых в песнях поется. Вдали леса и холмы нежатся в прозрачной голубоватой дымке, соч-

ная травка блестит росой в солнечных лучах. Есть где душе запеть и развернуться.

Птички, правда, не пели и даже не порхали, а улепетывали за горизонт что есть духу, но дело понятное – дракона увидели. С одного взгляда на долину было ясно, что драконы в этих краях отродясь не водились.

Дракон сделал круг над долиной, снизился, погрузил когтистые лапы в мягкую траву.

– Элизея, – выдохнул принц и скатился по драконьему боку прямо в васильковую поросль.

– Хорошо тут, пахнет так и посмотреть есть на что... – забубнил парнишка, – пегую бы сюда, и не знает, дуреха, чего лишается...

– Лошадям сюда нельзя, – заметил дракон. – Сквозь стену ни одно живое существо не может пройти.

– Кроме дракона, – пробормотала дева и улыбнулась какой-то своей, чрезвычайно приятной мысли. – Кстати, Бальсиор, пора обсудить вопрос нашего гонорара.

Но принцу было не до гонораров. Уткнувшись чернокудрой головой в родную землю, он бормотал что-то бессвязное и ласковое.

Дева пнула его хорошенько.

– Куда дальше то? Показывай.

Принц оторвал от земли лицо, полное бессмысленного счастья.

– Понятно, – вздохнула дева. – Придется искать самим.

– Там, кажется, есть кто то, когда мимо пролетали, я видел, на поле что-то делают, я могу пойти, спросить, – предложил парнишка.

– Ты не представительный. Доверия не внушаешь, – отказалась дева. – Пойду я.

На соседнем поле, за высокими кустами и правда работали трое. Траву косили. Дева постояла, присмотрелась. Косцы были странные. Первый худой и маленький, в бархатных штанах и кафтане, расшитом серебряными коронами. Второй блистал рубашкой из тонкого льняного полотна с вышивкой; третий, румяный и плотный, красовался в полных доспехах и не столько косил траву, сколько срубал ее тяжелым мечом.

Дева понаблюдала немного из своего укрытия, пришла к выводу, что косцы вполне безопасны, и вышла на поле.

– Добрый день. Мы тут заблудились...

Косцы уставились на нее с выражением крайнего ужаса на лицах. Дева обернулась на всякий случай – не торчит ли над деревьями дракон. Дракон не торчал, и она спокойно продолжила:

– Я только хочу узнать дорогу...

– Мамочки! – завопил плотный и румяный, уронил меч и припустил прочь, бодро поскрипывая доспехами. Кафтан и рубашка рванули за ним.

Дева настороженно оглядела окрестности. Паниковать без

повода было не в ее характере, однако если что-то пугает троих взрослых мужчин, то и благоразумной девушке стоит быть настороже.

Но поле было абсолютно мирно, живописно, безвредно и безлюдно, если не считать улепетывающую троицу.

– Я даже не поняла, что их испугало, – закончила дева свой рассказ.

Парнишка на всякий случай шагнул поближе к кожистому крылу.

– На этот счет можете быть совершенно спокойны, – высокомерно сказал принц. – В Элизее жизнь беспримерно безопасна.

– Не вспомнил, где дворец? – нахмурилась дева. – Не нравятся мне эта беспримерная безопасность.

Принц опустил голову.

– Думаю, те люди бежали в сторону жилых мест, – задумчиво проговорил дракон. – Мы можем полететь туда и спросить дорогу.

Дракон оказался прав. За полем протекала маленькая речка, через которую на равных расстояниях были перекинuty деревянные мостики с резными перилами, а за речкой, на вершине округлого холма, лепились друг к другу симпатичные домики под разноцветными крышами. Дракон заблаговременно снизился и спрятался в рощице.

Решили пойти все вместе. Вдруг кто принца опознает и снимет с их рук обузу. Даже дракон увязался, пообещав, впрочем, что будет держаться за домиками, вне видимости местных жителей.

На крыльце ближайшего домика сидел молодой человек с личиком нежным словно роза и изящными бантами на башмаках.

– До чего на покойного сигмеонского принца похож, – прошептал парнишка. – Я его один раз в ярмарочный день видел, когда папаша меня взял горшки торговать, ох и горячие деньки были, только и успевай поворачиваться...

Дева чувствительно пихнула его в бок, и парнишка умолк.

– Скажи, любезный, – начала она, – как нам пройти...

С диким воплем розоволицый юноша скрылся в домике. Захлопнулись ставни, с грохотом задвигалась мебель. В доме явно баррикадировались.

– Удивительно и непонятно мне такое поведение моих подданных, – нахмурился принц. – Нигде не было людей беззаботней и доверчивей...

– Ты долго отсутствовал, – напомнила дева.

Они вышли на соседнюю улицу и совсем не удивились, когда благообразный старец с белоснежной бородой пустился в недостойное бегство, едва завидев их.

– Мы не причиним вам вреда! – крикнула дева вслед старцу, но тот лишь взвизгнул, да подпрыгнул, да ускорился.

Одна расшитая туфля осталась лежать на дороге. Парнишка сбегал, поднял. Туфля была не из дешевых.

– Такие в Сентихветии делают, – сказал парнишка с видом знатока. – Я на ярмарке видел, рядом с папашей торговали, шесть золотых монет за пару, нигде таких цен не было, но все за один день ушло.

– Не говори ерунды, – строго сказала дева. – Как могла здесь оказаться сентихветская туфля?

– Мало ли, а контрабанда если, куда только не лезут, что хочешь куда хочешь, может и сюда пролезли.

– В Элизею можно попасть только на драконе, – сказала дева. – Кто-нибудь может представить себе дракона, который возит контрабанду?

Никто не мог.

Дракон высунул голову из-за печной трубы и приложил трепещущие ноздри к туфле.

– Где-то я такое уже нюхал. – Он повернул треугольную голову к притихшей дева. – Тебе не кажется, что мы с этим старичком встречались?

– Скройся, – хмуро бросила дева.

До самой главной площади им никто не встретился, зато на площади толпились все жители селения. Дева выглянула из-за домика, над ее головой высунулся принц, парнишка благоразумно остался за их спинами. Дракон показал над трубой самый краешек морды.

На площади шло собрание. Мужчины, высокие и маленькие, худые и толстые, красивые и страшные, все без исключения в нарядах богатых и представительных, разве что разной степени изношенности. Виделась там и макушка старичка, потерявшего сентихветскую туфлю, и румяные щеки рыцаря в доспехах, и кафтан с серебряными коронами, и рубашка с вышивкой.

Председательствовал на собрании принц самый стопроцентный, ничем не хуже Бальсиора, сам в белом атласе, на шляпе перо до плеч, чулки светлые, башмаки лентами увитые, на боку шпаге, на шпаге бант в цвет пера – красавец, куда ни посмотри. Только лицо у принца было гаденькое. То есть не лицо гаденькое, лицо как раз было вполне благообразное и местами выразительное, но вот выражение его больше годилось для уличного торговца, чем для принца.

– Дорогие мои верноподданные, – начал он. – Мы стоим перед лицом ужасной угрозы...

– Какие его верноподданные? – возмутился шепотом принц. – Это моя страна и мои подданные.

– Мы думали, что в этом беспечном плодородном краю мы навсегда в безопасности, однако ощущение оказалось ложным. Она появилась. Ее видел господин князь из Гентурии, а также господин наследный принц из Сигмеона и еще господин хранитель Сентихветской Короны...

– Какие короли и принцы? – зашипел принц. – Я единственный в Элизее.

– Я собрал вас, чтобы мы могли разработать план и принять меры. Для начала предлагаю ввести военное положение и передать мне всю полноту власти в стране. Со своей стороны, обещаю защитить каждого жителя от смертельной угрозы. Кто за, попрошу поднять руку. Те, кто против, могут сразу отправляться в поле на встречу с ней...

– В Элизее уже есть правитель, – громогласно объявил принц и вышел на площадь. – Мои добрые подданные, хоть я никого из вас в лицо и не узнаю, но смело скажу, что никакой угрозы в этом чудесном краю ни для кого нет и быть не может.

Единый вопль сотряс площадь до последнего крошечного камушка, которым она была выложена. Собрание принялось разбегаться в разные стороны. Вокруг девы, парнишки и принца вмиг образовалась пустота. Принц рванул было за всеми, но самый кончик драконьего хвоста пригвоздил полу его плаща к земле.

– Успокойся. Нам ничего не угрожает.

– Но ведь народ испугался, – возразил принц – Народ лучше знает.

– Они нас испугались, – пояснил дракон.

– Чего нас пугаться то, мы что страшные разве? – пробурчал парнишка. – Ты, Цельфий, конечно, но тебя-то видно не было.

– Они не Цельфия испугались, – мрачно сказала дева. – Они испугались меня.

Вчетвером вышли они на середину площади, настороженно оглядываясь, ожидая в любой момент нападения. Но вокруг все было тихо, даже топот убегающих давно стих вдали.

– Я сразу почуял неладное, когда ты про этих троих в поле рассказала, – вздохнул дракон. – Рубака в доспехах – один в один шлеззианский генерал. Помнишь, приезжал к нам по зиме, еще хотел по моей голове влезть к тебе в окошко?

Дева не удержалась, прыснула. Кивнула.

– А серебряные короны на одежде носят гентурийцы из правящего княжеского рода, – продолжал дракон.

– Племянник гентурийского князя? – догадалась дева. – Точно. Как я его не узнала? Он последним к нам приезжал, перед кризисом.

– Из твоего окошка они другими кажутся, – великодушно извинил дракон. – Я то их всех близко видел. В вышитой рубашке к нам родич низверского правителя явился. Хотел поразить тебя своей неземной красотой.

Дева снова не удержалась от улыбки.

– Получается, что старичок в сентихветских туфлях на самом деле...

– Хранитель Сентихветской Короны, – подхватил дракон. – Тоже одно из последних дел.

– И принц Астурглас из Трех Королевств, – сказала дева. – Который предлагал тебе бизнесом заняться.

– Как видишь, здесь тоже неплохо устроился, – неодобри-

тельно заметил дракон. – Таким везде хорошо.

– Погодите, это что ж получается, на крыльце и правда сигмеонский принц сидел? – спросил парнишка, внимательно прислушивавшийся к разговору.

– Правда, – подтвердил дракон.

– Это как же быть такое может? Он ведь неживой... умер в смысле. Девушки на ярмарке очень убивались. Говорят, отправился выручать красавицу из башни и был сожжен кроважным... – Парнишка ойкнул. – Выходит, они что, все мертвые? Все в твоём пламени погибли?

– Звучит ужасно, – признал дракон. – Но да.

Парнишка с шумом выдохнул. Из горла принца вырвался сдавленный писк. Даже деве было заметно некомфортно.

– Ты мне вот что скажи, мы, значит, тоже того... умерли? – пробормотал парнишка.

– Да, Цельфи, хотелось бы знать, – поддержала дева.

Дракон глубоко вздохнул, шлепнул хвостом по гладким камушкам площади, почесал когтем у основания крыла.

– Боюсь, друзья мои, что все гораздо хуже...

Конец первой части